

Прекрасный детективный сюжет, мастерски разработанный.
Manchester Evening News

Давным-давно уже не читала такого детектива.
Сьюзан Грин, Good Housekeeping

Детектив, которым гордилась бы Агата Кристи... Прекрасно написанный криминальный роман.
The Times

Кэролайн Грэм обладает талантом изображать своих самобытных героев как живых и вместе с тем нагнетать страх и перемежать его юмором, и все это кружится в умопомрачительной пляске смерти.

The Sunday Times

Такое стоит отведать.
*Вэл Макдермид, шотландская писательница,
автор детективных романов*

Множество превосходных зарисовок человеческих типов... диалоги живые и убедительные.

Independent

Прочтите эту книгу, и будете приятно удивлены... очень волнующе, очень стильно и очень занимательно.

Scotsman

Образцовый детективный роман.

Literary Review

Постоянно возрастающее напряжение... множество живых сцен, колоритных персонажей и увлекательных сюжетных поворотов.

Mail on Sunday

Очень увлекательный детектив, пронизанный остроумием, словно солнечными лучами... не пропустите эту книгу.

Family Circle

Вам предстоит до самого конца теряться в догадках.

Woman

Выключайте телевизор и садитесь за интереснейшее чтение.

Sunday Telegraph

Мастерское описание характеров и построение сюжета...
Написано необычайно вкусно. Превосходнейший детектив.

Literary Review

ДЕТЕКТИВЫ КЭРОЛАЙН ГРЭМ

Расследования старшего инспектора Барнаби

Убийства в Бэджерс-Дрифте

Смерть лицедея

Смерть под маской

Написано кровью

Пока смерть не разлучит нас

Там, где нет места злу

Призрак из машины

Другие романы

Убийство в Мэдингги-Грэндж

Зависть незнакомца

КЭРОЛАЙН
ГРЭМ

НАПИСАНО КРОВЬЮ

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)6
Г91

Written in Blood © Caroline Graham, 1994

Перевела с английского В. Л. Капустина

Оформление обложки Вадима Обласова

© Капустина В. Л., перевод на русский
язык, 2019

© Обласов В. Ю., оформление обложки,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2018

ISBN 978-5-6042799-0-8

Издательство «Пушкинского фонда» ®

Предисловие

Двадцать лет назад я работал в Стратфорде-на-Эйвоне, и ко мне приехал продюсер. В руках он сжимал стопку романов Кэролайн Грэм о приключениях и расследованиях старшего инспектора Тома Барнаби из отдела по расследованию убийств в Каустоне. «Мы хотим сделать из этих романов сериал, — сказал продюсер, — и чтобы вы сыграли детектива. Что скажете?» «Побывав копом из Джерси, стоит ли изображать полицейского из Каустона?» — подумал я*. Но ради разговора со мной продюсер Брайан Тру-Мей проделал такой долгий путь, что из вежливости я согласился прочитать книги и, возвращая их ему, сообщить свое решение.

В то стратфордское лето я впервые попал в мир Кэролайн Грэм и старшего инспектора Барнаби. И какое это было счастливое знакомство! Книжки оказались удивительные. Том Барнаби сразу меня заинтересовал: обыкновенный, приличный человек, который то и дело оказывается в необычных, а порой и не слишком приличных ситуациях и которому, несмотря ни на что, хватает сил ухаживать за садом, терпеть ужасающую стряпню жены Джойс, и все это — сохраняя почти монашескую невозмутимость. И разумеется, он до безумия, как многие отцы, любит свою дочь Калли (единственную девушку во Вселенной с таким именем). Человек, лишенный очевидных пороков и причуд, не испытывавший душевных травм и личных драм, не страдающий депрессией и пагубными пристрастиями. У него даже нет антикварного автомобиля-развалины, обычной фишки детектива из телесериала. Том Барнаби просто добро-

* Автор предисловия, актер Джон Неттлз, обрел известность на Британских островах, снявшись в сериале Би-би-си «Бержерак» (1981–1991), где появился в образе полицейского сержанта, перешедшего со временем на стезю частного сыска. В Стратфорде-на-Эйвоне Неттлз играл в Королевском Шекспировском театре, традиционно ставящем пьесы «великого барда». *(Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания редактора.)*

порядочный англичанин с хорошими манерами, и этим он мне нравится. После того как я прочитал романы, сомнений у меня не осталось. Я понял, что должен сыграть его...

Так начались «Убийства в Мидсомере»*, один из самых успешных британских сериалов о полицейских, показанный во всех известных человеку странах и землях. Во всем мире Тома Барнаби чтят как английского копа.

Телеверсии превосходны, но как бы ни были они привлекательны для зрителя, первоисточник, то есть книги, все же гораздо привлекательнее для читателя, потому что, читая книгу, ты волен по собственному разумению рисовать себе образ персонажа и для тебя он будет самым достоверным. Но есть еще кое-что, в чем романы о Барнаби превосходят телеверсии. Это разнообразие и глубина проработки характеров, не говоря уже о сложном и убедительном сюжете.

Из-за необходимости ужать историю телесценаристам приходится ее упрощать; образы героев не прописывают, опускают множество симпатичных деталей. В книге Барнаби гораздо интереснее, чем нам удалось показать в сериале. Его манера ведения допроса, неконфликтная, в стиле доброй беседы, такая увлекательная в книгах, невозможна в сериале: фильм требует от полицейского более яркого, более напористого поведения.

И сержант Трой, каким вы видите его на экране, сильно отличается от героя Кэролайн Грэм. В книгах Трой — интереснейший тип, столь же далекий от Тома Барнаби, как Северный полюс от экватора. В сериале его «пообтесали», сделав более привлекательным для телеаудитории. Да, остались намеки на грубость и простоватость, но они не настолько заметны, чтобы стать определяющими чертами. В телеверсии это просто симпатичный молодой человек. Надо сказать, что, несмотря на такое упрощение, а может быть, как раз благодаря ему, сержант Трой стал одним из самых любимых зрителями персонажей «Мидсомера».

Романы Кэролайн, в отличие от сериала, дают широкий социальный срез; в них выведено множество персонажей из разных слоев общества: аристократы и бедняки, молодые

* В российском прокате — «Чисто английские убийства». Мидсомер — вымышленное английское графство, созданное воображением Кэролайн Грэм.

и старые, не слишком удачливые и просто распушенные, неуравновешенные и психически больные, счастливые и несчастные в любви. Писательница не только увлекательно и подробно изображает — она изучает жизнь своих героев. Изучение характера персонажа в конечном счете и ведет к раскрытию убийства. В сериалах же часто упор делается на экзотические подробности убийства, а не на личность убийцы. Телевизионщики преуспевают, но экранизация имеет свои минусы. Очень часто интересом к человеку как таковому жертвуют в погоне за эффектными, а иногда и курьезными сюжетными ходами, и даже если плоды этой погони оказываются столь же увлекательными, сколь и пользующимися спросом, безусловно, нечто весьма существенное для детективной истории в экранизациях теряется.

Но не отчаивайтесь! В книгах Кэролайн Грэм вы найдете это упущенное внимание к человеческой натуре, а значит, жизненная драма предстанет перед вами более реальной и доставит больше удовлетворения. Наслаждайтесь!

Джон Неттлз
Июль 2016

Фрэнку и Линде Белгроув, спасителям

Без волнения писательство теряет свое очарование.

Николсон Бейкер

Приглашение

Потом, отвечая на вопросы полиции, они никак не могли прийти к согласию насчет того, кто первым упомянул Макса Дженнингса. Кто-то говорил, что Эми Лиддиард. Эми была уверена, что ее подруга Сью Клэптон. Сью в свою очередь кивала на Рекса Сент-Джона, который заявил, что этого никак не могло быть, поскольку он не только никогда не читал книг Дженнингса, но и вообще ничего о нем не слышал. Лора Хаттон допускала, что могла упомянуть о Дженнингсе, поскольку буквально на днях прочитала в «Харперс базар» о недавнем посещении писателем городка милях в двадцати от их деревни. Брайан Клэптон сказал, что кто бы ни был тот, кто заговорил о Дженнингсе, он, Брайан, обязан этому человеку самым тягостным вечером в своей жизни. Но и Эми, и Сью сошлись на том, что реакцию Джеральда на предложение пригласить Дженнингса иначе как «драматичной» и не назовешь.

Если верить Эми, работавшей тогда над романом-блокбастером, при словах «Макс Дженнингс» Джеральд буквально подскочил, побелел, задрожал, пораженный ужасом, стал дико озираться и как будто вздрогнул, словно от таинственного толчка. Так или иначе чашку с кофе он выронил. Тут же началась суета вокруг его заляпанных брюк. Кто-то принялся соскребать с ковра сахар и кофейную гущу. Лишь минут через десять все успокоились. Сью сварила свежий кофе, особого, шоколадно-трюфельного сорта, к которому Джеральд не притронулся и про который Брайан сказал, что его не отличить от какао.

Когда она внесла поднос, Джеральд стоял возле газового камина, отлепляя мокрые штанины от ошпаренных колёней, и приговаривал:

— Мне ужасно жаль. Как кольнет вдруг... — Он на секунду приложил руку к груди под тонкой белой рубашкой.

— Вам бы к лекарю, — сказал Рекс.

Лора подумала, что это, наверно, сердце. Сразу стало зябко и затошнило. Но он же не толстый. У него вообще нет лишнего веса. Но возраст именно тот. Можно и толстым не быть. Есть другие факторы риска... О боже, боже!

— По-моему, Рекс прав.

— Просто несварение. Жаркое из зайчатины...

— Даже если так...

— Мы можем продолжить? — Брайан демонстративно посмотрел на часы. В силу целого ряда причин Джеральда он не любил и полагал, что вокруг него уже достаточно посутились. — Мне еще надо выставить оценки до того, как лягу спать. Не все могут позволить себе не работать.

Вернулись к вопросу о том, как трудно найти приглашенного докладчика. Как раз перед незадачей с чашкой Эми предложила одну даму, жившую поблизости, в Мартир-Д'Эверси, и писавшую о забавных проделках своих пекинесов, которых у нее водилось великое множество.

— Я знаю, о ком ты, — кивнула Сью. — Она выпускает книжки за собственный счет и развозит их по книжным магазинам.

— Книги, изданные за счет автора, строго *verboden**, — отрезал Брайан. — Либо настоящие писатели, либо никаких.

— Это, в конце концов, всего четыре раза в год, — сказала Гонория Лиддиард, завладевая последним волованом с перцем чили и сливочным сыром. Его гофрированные оборочки напоминали только-только прорезавшиеся крылышки младенцев-ангелочков. Гонория, как таблетку, положила «ангелочка» на свой толстый язык и проглотила целиком.

«И это уже восьмой», — спокойно заметила про себя Эми.

— Уж как-нибудь мы могли бы с этим справиться, — заключила Гонория.

* Воспрещаются (*нем.*).

Пожалуй, «мы» — это было сильно сказано. Гонория быстро отметала большинство имен, которые называли другие, но сама редко кого предлагала. Всех пришедших она считала никуда не годными и частенько отзывалась о них очень грубо, иной раз даже не дождавшись их ухода.

— Мы могли бы пригласить Фредерика Форсайта, — внес свою лепту Рекс, который сейчас корпел над триллером о наемном убийце по кличке Гиена и его попытке прикончить Саддама Хусейна.

— Бесполезно, — поморщился Брайан. — Эти люди вечно притворяются, будто у них нет времени.

Довод был убедительный. Среди людей, у которых за последние несколько лет не нашлось времени выступить перед писательским кружком Мидсомер-Уорти, числились Джеффри Арчер, Джилли Купер, Мейв Бинчи и Сью Таунсенд. Правда, последняя прислала очень милое письмо и свою книгу в мягкой обложке с автографом.

Только раз они добились относительного успеха. Увенчанный всеми возможными лаврами и осыпанный всеми наградами поэт, которого ожидала автограф-сессия в каустонском книжном магазине «Черный дрозд», согласился в тот же вечер прийти и побеседовать с ними. Это был сущий кошмар. Он пробыл всего час, только и делал, что пил, зачитывал вслух рецензии на свои стихи и рассказывал о разрыве с любовником. В конце концов он разрыдался, и Лоре пришлось везти его в Лондон на машине, поскольку все мужчины отказались от этой сомнительной чести.

В итоге им оставалось довольствоваться знаменитостями поскромнее: корреспондентом из «Эха Каустана», ассистентом продюсера (мальчиком на побегушках) с городской коммерческой радиостанции, а также местным жителем, который время от времени печатался в журнале «Практическая деревообработка» и считал себя персоной слишком значительной, чтобы посещать кружок на постоянной основе.

— А как насчет идеи, которая пришла тебе за завтраком, милый? — Сью Клэптон робко улыбнулась мужу с другого конца гостиной.

Насколько неряшлив был он, настолько же аккуратной и приличной выглядела она, с этими ее заложенными за уши длинными прядями цвета молочного шоколада и большими круглыми очками в пестрой оправе. Юбка в пол, цвета клевера, с узором из мелких маргариток, имела коварный запах, и ноги свои, в неуклюжих кожаных сабо, Сью составила тесно, сообразуясь с приличиями.

— Помнишь?

— Да помню, помню. — Брайан вспыхнул от раздражения. Он-то собирался преподнести свое предложение этак равнодушно, с прохладцей, небрежно подбросить его, когда перебранка достигнет высшей точки. — Есть у меня один знакомый, который мог бы — повторяю, мог бы — прийти побеседовать с нами.

— Что он пишет?

— Он не пишет. — Брайан самодовольно улыбнулся Джеральду. — Он креативщик. — Брайан хихикнул и обвел всех насмешливым взглядом. Было ясно, что никто толком не представляет, с чем это едят. Типично. — Слыхали про Майка Ли?*

— Ну, это была бы большая удача, — пропела Лора, закинув одну элегантную, туго обтянутую медового цвета чулком ногу на другую.

Шелковый шорох произвел впечатление на всех мужчин, кроме одного, на которого, собственно, был рассчитан.

Как хотела бы Сью иметь такие ноги! Как хотел бы Брайан, чтобы у Сью были такие ноги! Гонория сочла это движение Лоры в высшей степени вульгарным. Рекс храбро домыслил кружева и подвязку. Эми просто дружелюбно улыбнулась Лоре — и за эту улыбку ей потом досталось от Гонории за «хорликсом»**.

— Я не сказал, что это Майк Ли, — Брайан покраснел еще гуще, — я просто сравнил. На прошлой неделе к нам в школу приезжал «От и до» — учебный театр. Они так блестяще показали один день из жизни общеобразовательной...

* *Майк Ли* (р. 1943) — известный британский кинорежиссер и сценарист.

** «*Хорликс*» — фирменное название напитка из молока и солада, который часто пьют на ночь. — *Примеч. пер.*

— На пляж со своим песком? — улыбнулся Рекс.

— Да господи ты боже мой! — Брайан саркастически усмехнулся и покачал головой. — Вы, похоже, просто не понимаете. Вернуть детям их собственный опыт, но в новой динамической форме. Какая увлекательная достоверность...

— Что, простите?

— Дети сразу узнают язык этого нарратива, он идентичен их собственному.

— Ясно.

— Короче говоря, — подытожил Брайан, — пока грузили реквизит, я переговорил с Зебом, их главным, и спросил, не может ли он приехать пообщаться с нами. Нам пришлось бы лишь заплатить...

— Исключено, — отрезала Гонория, — мы никогда не платим.

— Только за бензин и...

— Гонория права, — Рексу с трудом удалась нотка сожаления, — стоит один раз заплатить... — Он примолк, задумавшись, как это часто с ним бывало, а не ошибается ли. Может быть, такая скупость непродуктивна? А вдруг, если бы они предложили Джону ле Карре достойную его оплату...

Гонория между тем что-то говорила. И очень громко.

— Разве что вы сами оплатите приезд этой персоны?

Гонория холодно взирала на Брайана. Не человек, а ходячее недоразумение. Всё в беспорядке: волосы, борода, одежда, не говоря уж о политических воззрениях, крайне безалаберных, на ее взгляд.

Увидев, что муж отступил и надулся, Сью занервничала. Она запустила пальцы в волосы у самых корней, туго натянула прядь, потом отпустила, взялась за следующую. Этим она и занималась весь остаток вечера.

Прошло всего каких-то полчаса, но всем присутствовавшим показалось, что они уже вступили в новое тысячелетие.

И наконец, после множества препирательств, беседа описала полный круг, и снова всплыло имя Макса Дженнинга.

— С ним у нас могло бы получиться, — предположила Эми, — он ведь живет тут рядом. К тому же он... не то чтобы звезда.

— Это как понимать? — спросила Гонория.

— По-моему, — вставила Сью, — Эми хотела сказать, что он просто известный человек, не знаменитый.

— Я вообще никогда о нем не слышал, — заметил Брайан, барабанив пальцами по подлокотнику кресла.

Он не желал тратить свое время даже на богатых и знаменитых, не то что на каких-то там не слишком богатых и не особенно знаменитых. По правде говоря, если человек не барахтался на самом дне, в самых нижних слоях навозной кучи общества и любой проходящий не втапывал его еще глубже в первобытную грязь, Брайан готов был дать ему решительный отлуп.

— Я слышала интервью с ним на радио, — продолжала Эми, — очень мило, по-моему. — Она слишком поздно вспомнила, что грамотнее было бы сказать «по радио», и приготовилась к тому, что Гонория презрительно зацокает языком. — По-моему, стоит попробовать.

— Терпеть не могу претенциозные псевдонимы. Не сомневаюсь, что это «Макс» должно означать «Максимиллиан». А на самом деле он, небось, какой-нибудь Берт Блоггс.

— Я читала его первый роман, «Далекие холмы». Он родился в очень бедной семье на Внешних Гебридских островах. Его отец был очень жестокий человек и уморил его мать. Она покончила с собой, когда мальчик был совсем маленьким.

— Вообще-то, — Брайан несколько повеселел, — можно попробовать. Все равно у нас больше никого нет на примете.

— Есть Алан Беннет.

Брайан фыркнул. Ему не очень хотелось приглашать Алана Беннета*. Когда-то Брайан находился под сильным его влиянием. Слонялся у деревенского магазина и паба «Старая буренка» с магнитофоном, разговаривал с жителями, стараясь выпытать вкусные подробности их жизни, — так, насколько ему было известно, поступал этот именитый автор. Но Брайан потерпел полное фиаско. Местных занимали только мыльные оперы, футбол и звездные скандалы, раздутые таблоидом «Сан». Закончилось все тем, что какой-то пьянчужка обозвал его любопытным вонючкой и сбил с ног.

* *Алан Беннет* (р. 1934) — английский драматург и актер.

— Я думала, его мы приберегаем на крайний случай, — усомнилась Лора.

— Давайте проголосуем, — предложил Рекс. — Кто за Дженнингса?

Он поднял руку, остальные тоже, Гонория — последней.

— Джеральд?

Джеральд стоял спиной к собравшимся и сушил мокрые коленки у огня. Он через плечо посмотрел на шесть поднятых рук, потом снова на сине-желтые языки искусственного пламени. Как ни проголосуй, это ничего не изменит. И все же он не мог допустить, чтобы ужасное предложение прошло единогласно, без всякого отпора с его стороны.

— Только зря потеряем время, — изрек он и сам восхитился невыразительностью своего голоса. Бесстрастным тоном. Ровными, неспешными паузами между словами. Сдержанностью самих слов, таких мягких в сравнении с мукóй, раздиравшей его грудь.

— Извините, Джеральд, но вы в меньшинстве. — Брайан уже натягивал вязаную шапку.

— Даже если так, — он не мог просто взять и сдать себя, — не думаю, что есть смысл...

— Если не напишете вы, напишу я, — сказал Брайан, — на адрес его издателя. Вообще-то я мог бы им позвонить...

— Нет-нет. Я секретарь. Я этим займусь. — «Так, по крайней мере, все будет в моих руках», — решил он. — Все в порядке.

Джеральд встал. Единственное, чего ему хотелось, это избавиться от них от всех. Он заметил, что Лора украдкой наблюдает за ним, и постарался изобразить подобие улыбки.

Эту ночь он провел без сна. Целый час просидел за письменным столом без движения, погруженный в воспоминания. Его голову как будто зажали в тиски. Снова увидеть этого человека. Макса. Макса. Человека, укравшего самое ценное, что он имел. Придется произносить слова приветствия, а потом часами слушать самовосхваления этого человека. Джеральд знал, что ему такого не выдержать.

В три часа он начал писать. Писал, писал и писал. К шести выбился из сил. Корзина для бумаг была переполнена,

но письмо он составил. Одна страница. Он был уверен, насколько вообще мог быть в чем-то уверен, что тон выбрал правильный. И речи не могло быть о том, чтобы умолять Макса воздержаться от визита. Даже тогда, даже в тот момент ужасного предательства Джеральд ни о чем его не просил. И не попросит. Пусть Макс победил, но вот этого он всю жизнь будет добиваться напрасно.

Крепко сжимая ручку в правой руке и придерживая конверт левой, Джеральд надписывал его. Начал, естественно, с имени. М-а-к-с Дж-е-н-н-и-н-г-с. Ручка скользила, ерзала в потных пальцах. Казалось, сами буквы этого имени обладают волшебной силой. Он буквально услышал, как этот человек дышит, обонял запах его сигары, видел блестящие голубые глаза на худом загорелом лице. Хедли вновь почувствовал силу заклęcia, наложенного на него когда-то.

Он перечитал письмо. Кто поймет, каких мук стоило приглашение, тот ни за что не примет его.

Джеральд приклеил самую дорогую марку, надел кашне, плащ и вышел из дома. Он направлялся к почтовому ящику, когда из темноты, как поплавок, вынырнул молочник.

— Вы сегодня рано, мистер Хедли. — Молочник кивнул на белый прямоугольник в руке Джеральда: — Хотите, чтобы пораньше ушло?

— Точно.

Джеральд зашагал веселее. Эта случайная встреча странным образом подняла ему настроение. Да здравствует реальность, такая знакомая и спасительно банальная! А вот прошедшая ночь теперь казалась чем-то нереальным. Оранжеей, где зреют болезненные фантазии.

И Джеральд прибавил шагу, глубоко вдыхая свежий зимний воздух. Когда он шел обратно к дому, горькие размышления, которые мучили его так недавно, уже казались горячечным бредом. Он и другим приписывал свое болезненное восприятие. Судя по тому, что ему известно о Максе, тот практически забыл его. И даже если не забыл, Джеральд не мог представить себе, что Макс проедет тридцать миль ради беседы с кучкой графоманов. Он сейчас очень известен. Любой его роман-эпопея заведомо обречен войти в де-

сятку лучших книг года по версии «Санди таймс». Нет-нет, чем больше Джеральд об этом думал, тем более беспочвенными казались ему недавние страхи.

Когда он добрался до дома и поставил на огонь кофейник, на горизонте уже появились розовые, лимонные и серебристые полосы. К тому же моменту, как показался алый краешек солнца, он успел убедить себя, что не стоило так долго мучиться над письмом. Пустая трата времени и сил. Нет ни малейшего шанса, что Макс приедет.

Спустя почти месяц после собрания кружка Лора стояла у кухонной двери, точно зная, что сейчас сделает, сколько бы ни тешила себя иллюзией, будто может еще передумать. В руке она держала запечатанный конверт. Пустой. У Лоры не было собаки, а бродить по деревне в темноте просто так, без дела, было бы странно.

Во время последней прогулки (всего неделю назад) она встретила преподобного Клюза в сопровождении бассет-хаунда Генри. Они прогулялись все вместе. Лоре пришлось бросить пустой конверт в почтовый ящик, а потом ее благополучно проводили до самого дома. На еще одну вылазку она не осмелилась и легла спать, терзаясь тем, что ей помешали осуществить задуманное. Но сегодня вечером Генри уже погулял. Добрых полчаса назад Лора видела, как он трясил за хозяином домой с прогулки.

Лора застегнула свое темное пальто-бушлат до горла. На ней были джинсы, плотные кожаные перчатки, черные ботинки, а голову она повязала темным шарфом, скрывавшим медные завитки волос. Она шагнула в тихую, безмолвную ночь, заперла дверь, очень осторожно повернув ключ, и постояла немного, прислушиваясь.

Из соседних домов не доносилось ни звука. Никто не выпускал и не выпускал кота. Ни звяканья молочных бутылок, ни бряканья крышки мусорного контейнера. Никто не провожал друзей после вечеринки. Неслышно ступая в ботинках на каучуковой подошве, Лора по привычке повернула налево.

Она шла быстро, держась высокой изгороди, скромной садовой версии средневекового частокола. Внезапно на небе

появилась луна, словно вырезанная из мятой серебристой фольги, и мир вокруг стал негативом самого себя. Дома из ракушечника, черные, бледно подсвеченные деревья. Если раньше ее в основном занимала мысль о том, как бы поскорее закончить прогулку, сейчас она еще и страшно стеснялась, чувствуя себя актрисой на ярко освещенной сцене.

Оставалось несколько ярдов до почты, которая вообще-то была не больше солидно обустроенной гостиной в «Вайворри», бунгало мистера и миссис Мидж Сэнделл. Почтовый ящик висел на двери, и в тот самый миг, когда Лора проходила мимо, луна снова скрылась в облаках. Сунув конверт в карман, Лора пошла дальше. Это был рискованный шаг, потому что теперь, встретив кого-нибудь из знакомых, она вряд ли сможет сказать, будто идет опустить письмо в ящик. Но, на счастье, она никого не встретила.

«Приют ржанки» был последним домом, выходящим непосредственно на Зеленый луг. Здесь две тропы, на которые из-за луга делилась дорога, снова сходились, и, следовательно, недвижимость по обеим сторонам стоила дешевле. Между «Приютом ржанки» и первыми из этих домов оставался промежуток ярдов в тридцать, просто пустырь. Эти заросли боярышника, дикие сливы и яблони Лоре просто бог послал, поскольку на фасаде «Приюта ржанки», как и других строений Зеленого луга, имелся галогеновый прожектор, мгновенно освещавший любого, кто подходил.

Лора храбро продиралась сквозь колючие ветки, страсть была в сто раз сильнее страха. С бешено бьющимся сердцем она выбралась из зарослей, свернула влево и протиснулась через дыру в живой изгороди из ивы в сад за домом Джеральда Хедли.

Лора остановилась на секунду. Она прекрасно тут ориентировалась: вот толстая береза, пустые декоративные урны, плиты двора, искрящиеся от мороза. Небо над головой было полно звезд. Стараясь не шуршать гравием, она прокралась вперед. Ее легко могли бы выдать облачка пара от дыхания, хорошо заметные в холодном воздухе.

В кухне горел свет, но когда Лора подошла поближе, ей стало ясно, что там нет никого. Она храбро заглянула в окно и увидела грязную посуду в раковине, полбутылки кларе-

та и стакан на подносе. Лора чуть изменила угол зрения, и показалась длинная полка с пакетиками специй и узкими стеклянными банками, наполненными сушеной грибной стружкой, имбирем и какой-то волокнистой субстанцией цвета засохшей крови.

Джеральд как-то говорил, что любит готовить японскую еду. Она тоже, тут же призналась Лора и спросила, не согласится ли он дать ей урок. Джеральд улыбнулся и ответил, что давать уроков не отважится, но в следующий раз, когда приготовит соус терияки, обязательно позовет ее попробовать. Млея от счастья, она ждала приглашения, однако так и не дождалась.

В конце концов, истосковавшись и вдохновляясь картиной того, как они сидят за столом при свечах и пьют теплое саке, Лора напомнила Джеральду о его обещании. Он заверил, что ничего не забыл. Как насчет следующего четверга, в семь?

Лора помчалась делать чистку лица, укладывать свои роскошные волосы и втирать ароматный крем в безупречно стройные ноги. В четверг, без четверти семь, она надела кукурузного цвета жакет от Джаспера Конрана, шелковую блузку цвета слоновой кости и узкую сливового цвета креповую юбку, а в уши вдела пламенеющие сердолики. Выглядела она прелестно. Так сказали все: Ключы, Рекс, пара из «Ветреной ложины», владельцы компьютерного магазина. Как потом выяснилось, их всех тоже пригласили впервые.

Для кого-то другого это послужило бы уроком. Лора же рыдала, пока не заснула, а проснулась с убеждением, что Джеральд всего-навсего нервный. Вовсе он не бездарен во всем, что касается романтических отношений, у него просто давно не было такого опыта. Он хотел сделать ей приятное, принять ее у себя дома, но для первого раза ему потребовалось присутствие других людей. С тех пор прошел почти год. Больше он ее не приглашал.

Глубоко несчастная Лора, чтобы поднять самооценку, попробовала нарисовать себе развитие их воображаемых отношений, постаравшись, чтобы все складывалось не в пользу Джеральда. Итак, он оказался никуда не годным

любовником, скучным собеседником, чудаковатым, капризным, упертым, занятым исключительно собой. И она очень скоро с легкостью оставила его, свободная как птица. При огромных затратах воображения этой утешительной лжи ей хватило на несколько дней. А потом, разумеется, она вновь начинала искать встречи с ним.

Свет! И звуки! В панике отпрянув от окна, она прижалась к стене дома, чувствуя, как зерна песчаника вонзаются в спину. Но это всего лишь Брайан, ближайший сосед Джеральда, загонял в гараж свой красноносый «фольксваген». Свет передних фар постепенно рассеивался. Хлопнула дверь гаража. Она слышала, как Брайан прошагал вдоль дома, поднялся на крыльцо, вошел. Щелкнул замок.

Без сомнения, Сью приготовит ему что-нибудь выпить на сон грядущий. Лора ощутила острый приступ зависти. Нет, разумеется, она — да и ни одна женщина в здравом уме — не хотела бы быть женой Брайана. Но в жизни à deux*, безусловно, есть своеобразный уют, недоступный тому, кто живет один.

Да что я здесь делаю? Лора ткнула кулаком в стену, оцарапав кожу перчатки. Я взрослая тридцатишестилетняя женщина. Я привлекательна, меня даже называют красивой. Я не какая-нибудь невротичка. У меня есть друзья, у меня была любовь. У меня успешный бизнес и уютный дом, полный всяких милых вещичек. Дети улыбаются мне. Собаки и кошки меня обожают. Мужчины предлагают встречаться. Так почему холодным февральским вечером, в одиннадцать часов, я крадусь, как преступница, чтобы хоть на секунду увидеть человека, которому совершенно безразлична?

Пропадать от любви... Она никогда раньше не задумывалась, насколько буквально, физически точно это выражение. Вот она выбирает апельсины в деревенском магазине, делает шаг назад и нечаянно наступает кому-то на ногу. Высокому мужчине с вьющимися седеющими волосами и холодными орехового цвета глазами. А дальше случилось необыкновенное — собственно падение, пропадание. Лора когда-то видела фильм, возможно Хичкока, где люди во сне

* Вдвоем (франц.).

падают в черно-белую спиралевидную воронку. Так вот это было то самое. Она закрыла глаза и вновь ощутила странную силу, которая сжимала ее сердце, как путы стягивают лапы сокола.

Конечно, он должен быть женат. Лора даже ослабела от облегчения, узнав, что он вдовец. Такая трагедия... Его жена умерла несколько лет назад. Лейкемия. Они не так давно поженились. Он до сих пор не оправился от ее смерти. И Лора, уверенная в своей женственности, своей привлекательности, думала: «Я помогу ему оправиться. Я снова сделаю его счастливым. Он забудет ее».

Новичок в Мидсомер-Уорти, она пришла на ужин по случаю Праздника урожая, надеясь его там встретить. Его не было, но она узнала, что в деревне есть литературный кружок, в котором он состоит.

Не имея ни таланта, ни интереса к предмету, она немедленно вступила в писательский кружок под тем предлогом, будто расшифровывает и редактирует переписку, которую купила на аукционе по дешевке. По крайней мере, она обеспечила себе возможность видеть его раз в месяц. Не то что просто улыбнуться и помахать рукой с другой стороны Зеленого луга, а по-настоящему быть рядом два, а иногда и три часа. Это были драгоценные часы. Время, посвященное тому, кто для тебя важнее всего на свете. На похожую фразу она наткнулась в журнальной статье о родителях, живущих врозь со своими детьми.

О том, чтобы сказать ему про это, и речи быть не могло. У нее никогда не возникало даже смутного искушения сделать подобное. Все могло — да нет, все точно бы изменилось к худшему. Сейчас, на худой конец, между ними не существовало сложностей. Или, по крайней мере, Джеральд считал, что не существует, а это единственное, что имело значение. Но как бы он воспринял страстное признание в вечной любви, на которое не мог или не хотел ответить? Это поставило бы его в невыносимое положение. Он стал бы смущаться. Возможно, она сделалась бы ему неприятна. Или еще хуже — вызывала бы жалость. Возможно, он даже перестал бы посещать собрания кружка, лишь бы избежать

встреч с ней. И тогда прощайте, драгоценные часы! Здравствуй, конец света...

Боже, как холодно-то... Ноги, несмотря на толстые носки и ботинки, совсем замерзли. Лора шагнула на траву у дома, тут можно было неслышно переминуться с ноги на ногу. «Должно быть, я сошла с ума, — сказала она себе. — Я ведь его увижу через двадцать четыре часа».

Она вдруг представила себе, как это все выглядит со стороны. Например, в глазах кого-то, кто сейчас наблюдает за ней. Подглядывающая Томасина*. Вуайеристка. И она поклялась себе прекратить все это. Завтра же.

К дому между тем приближалась машина. Звук становился все громче, наполнял ей уши. Это была не «целика» Джеральда. Этот автомобиль обладал более густым и громким голосом. И дверца стукнула громче, когда кто-то вышел. Лора перебежала под деревья у дальнего конца дома. Во рту у нее пересохло от испуга, и все же она сумела быстро занять позицию, позволяющую разглядеть, что будет дальше.

Такси остановилось на дорожке к дому. Женщина расплатилась с водителем, стоя спиной к Лоре. На ней был изящный черный костюм и маленькая шляпка с вуалью. Водитель что-то сказал ей вслед, Лора разобрала только «благополучно». Женщина постучала в дверь дома. Как раз когда машина тронулась с места, дверь открылась, и женщина вошла в дом.

Лора выдохнула и только тогда поняла, что это был не вздох, а стон. Она зажала руками рот и, застыв, ждала в тревоге. Вдруг кто-то услышал? Но нет, кажется, никто.

Когда она немного оправилась от шока, проснулись другие чувства. Унижение, ревность, пронзительная боль и злоба на собственную доверчивость. Какая самонадеянность! Если Джеральд не проявил интереса к ней, она решила, что

* Здесь обыгрывается английская идиома peeping Tom (подглядывающий Том). Так якобы звали портного, который, единственный из жителей Ковентри, подглядывал за легендарной леди Годивой, когда она, нагая, объезжала город, чтобы освободить его от непосильных податей.

женщины вообще его не интересуют. Как она — да нет, как все купились на эту позу безутешного вдовца?

Зная, что потом будет сожалеть об этом, но не способная устоять перед искушением повернуть нож в ране, Лора вышла из укрытия. Ее шарф зацепился за ветку. Бархатные портьеры в гостиной были не до конца задернуты. Она встала посреди окаймляющего дорожку цветника, теперь уже совершенно не заботясь о том, увидит ее кто-нибудь или нет, и заглянула в зазор между портьерами.

Ей был виден край книжных полок, часть буфета со стоящей на нем свадебной фотографией, точнее, половина снимка, без новобрачной. Половина вазы с веткой душистой калины. В поле зрения появилась женщина. В руке у нее был бокал красного вина, наверное того самого кларета. Шляпку она сняла, и густые белокурые волосы рассыпались по плечам. Она была со вкусом подкрашена, но Лора сразу поняла, что дама старше нее. «Слишком стара для него», — подумала она.

Женщина подняла бокал, улыбнулась и заговорила. Потом сделала большой глоток вина. Вина, которое налил ей Джеральд... Интимность этого обычного маленького ритуала едва не свела Лору с ума. Она больше ничего не видела из-за слез. Разумеется, она не увидела и не услышала старого мистера Лилли из коттеджа «Ракитник», который как раз выгуливал свою колли.

Эми совершенно точно запомнила момент, когда осознала свое зависимое положение. Она тогда уже несколько месяцев прожила у золовки. Остро ощущая собственную неспособность вносить свою долю в домашние расходы, она с самого начала очень старалась быть хоть чем-то полезной.

Стоял майский солнечный день. Гонория сидела за письменным столом, как всегда обложенная генеалогическими схемами, старыми письмами, документами, имеющими отношение к родословному древу Лиддиардов, и книгами по геральдике. В дверь позвонили. Эми отложила наволочку, которую чинила, взглянула на широкую спину Гонории, приподнялась, помедлила. Гонория даже

не обернулась. Просто раздраженно ткнула пальцем в направлении звука.

До того самого момента растущий перечень своих домашних дел Эми прятала за не ущемляющей достоинства формулировкой «быть полезной», и полезной она, безусловно, была. Не прошло и месяца со дня ее приезда, как она взвалила на себя покупки (ежедневно в деревенской лавке и раз в неделю в Каустоне), уход за садом, сбор растопки для бойлера, стирку, глажку и помощь Гонории в ее изысканиях. Но кое-что ей не пристало делать в силу ее положения. Хотя бы и по мужу, но она тоже была Лиддиард, а значит, не должна была выполнять работу прислуги. И раз в неделю приходила миссис Банди, для «черной работы».

В те редкие дни, когда в доме бывали гости, Эми даже не позволялось убирать со стола. «Наверно, чтобы они думали, — ворчала она во время своих тайных разговоров со Сью, — что мы держим горничную и прячем ее на кухне».

Сью сочувственно кивала и говорила, что никогда не видывала этаких снобов.

Тут Эми с ней не соглашалась. Это Гонория-то — сноб? Просто сноб, и только? С тем же успехом можно сказать, что Александр Македонский иногда любил покомандовать. Ее преклонение перед предками и их ролью в английской истории не имело границ. Эми считала, что золовка слегка повредила умом. С тех пор как брат Гонории умер, она со свирепой настойчивостью отслеживала историю рода, подкрепляя каждое свое открытие всеми бумагами, какие только могла — теперь уже при помощи Эми — раскопать.

Множество картонок с перетянутыми резинкой стопками каталожных карточек свидетельствовало об усердии, с которым золовка выискивала сведения. На большом столе был постоянно развернут придавленный чем-нибудь тяжелым по углам огромный белый лист, на котором ветвилось родословное дерево. Когда оно наконец обрело заверченный вид, Гонория задумала перенести его во всех подробностях на самый лучший пергамент, надписи сделать каллиграфическим почерком, украсить пергамент золотым тиснением, вставить в рамку и повесить в главной зале.

Эми от этого ужасно устала. Она часто задумывалась, откуда взялась у Гонории подобная мания. Никто в семье ничем похожим не страдал. Ральф (или Рейф, как упрямо называла его сестра) был лишен даже тени высокомерия, не делая различия между людьми низкого и высокого происхождения. Он был ровен и дружелюбен со всеми. В отличие от сестры, он любил людей.

Гонория людей презирала. Особенно людей низкого происхождения. «Неполноценные дикари, плодящиеся, как микробы, в своих убогих лачугах» — таково было одно из самых мягких ее суждений. Натура аристократическая, она взирала на них свысока. Чернь, едва тронутая цивилизацией.

Ральф всегда смеялся над этой чепухой и не понимал, почему Эми не может поступать так же. Эми, однако, вовсе не считала забавной приверженность Гонории «аристократии крови». Эми она казалась негуманной, отдавала евгеникой, социальной инженерией и теорией «прирожденных вождей».

— Ты меня слушаешь?

— Да, Гонория, — со вздохом солгала Эми.

На самом деле она даже обрадовалась, что ее размышления прервали. Стоило вспомнить о муже, как Эми затягивало в омут черной тоски. Открыв переносной пластиковый контейнер, она поместила в него поднос с рулетиками из серого хлеба, начиненными сливочным сыром и побегами спаржи. Гонория продолжала ворчать, жалуясь на дороговизну спаржи, хотя банка с деликатесом, сильно помятая, и была уценена вдвое. Эми защищалась как могла: хочется же принести что-нибудь особенное из уважения к приглашенной знаменитости.

— Можно подумать, перед нами предстанет реинкарнация Уильяма Шекспира, — проворчала Гонория и добавила: — Если что-то останется, не забудь забрать домой.

Второй поднос был уже почти готов: треугольные сэндвичи с огурцом и домашним майонезом. Эми предпочла бы магазинный. И вкус лучше, и консистенция. Домашний либо растекается лужей, либо весь впитывается в хлеб, делая его похожим на горчичного цвета промокашку. Но «хелманс» золовка сочла слишком дорогим.

— Похоже, все сошли с ума, — не унималась Гонория. — Лора сказала, что купит что-нибудь в той дико дорогой кондитерской. Сюзен печет пирог, несомненно из корма для хомяков, которым все нынче пробавляются.

— Морковный торт с глазурью, на самом деле. Снежно-белый такой.

— Он приезжает из Хай-Уикома, а не с Северного полюса. — Гонория, уже облаченная в старую стеганую куртку, водружала на стального цвета прямые короткие волосы твидовую шляпу с плоской круглой тульей и загнутыми кверху полями.

— Куда ты? — спросила Эми. Ее всегда интересовало, надолго ли уходит Гонория.

— К Лоре.

«Если бы Макс Дженнингс прибыл с Северного полюса, — подумала Эми, ежась от холода в двух свитерах, кардигане, колготках, гетрах и ботинках по щиколотку, — здесь, в Гришэм-хаусе, он, безусловно, почувствовал бы себя как дома».

Она пошла в библиотеку, где Гонория, закончив на сегодня работу, распорядилась погасить камин. Эми нагнулась, чтобы погреть замерзшие руки над еле тлеющими серо-белыми угольками. В подвал, что ли, спуститься? Пнуть бойлер, этого прожорливого монстра, питающегося дровами и соединенного с железными трубами, которые по идее должны наполняться горячей водой. Две-три регулировочные ручки — альтернатива пинку — особого эффекта не давали, как и грубое физическое насилие, впрочем. Тепла хватало только на то, чтобы трубы не покрылись инеем. Вода была чуть теплой.

Вниз Эми решила не ходить. Чем спускаться в подвал и тратить время на схватку с уродом, не лучше ли пойти в свою комнату и поработать? Эми изо всех сил старалась жить в соответствии с девизом писательницы Оливии Мэннинг: «Ни дня без строчки».

Ее детище, роман «Ползунки», был надежно упрятан в шагреновую шляпную коробку, убранную подальше от посторонних глаз, на гардероб. Литературному кружку она

представила его как семейную сагу и в общем-то не погрешила против истины, но что это были за семьи и что вытворяли их отпрыски, знали только Эми и Сью. По сравнению с тем, что можно прочесть в некоторых нынешних бестселлерах, эротические подвиги ее героев выглядели вполне благопристойно. Она до сих пор не решалась использовать глагол на букву «т», который так ужасно выглядел на письме. И тем не менее в этом густом, славном вареве кипело достаточно острых ингредиентов, способных повергнуть Гонорию в глубокие размышления. И кто знает, не привели бы эти раздумья к выводу, что безнравственная особа, способная сострять столь неаппетитную чепуху, не достойна жить под крышей дома Лиддиардов? «И куда, — думала Эми, — мне тогда податься? Мне, сорокалетней неумехе без гроша в кармане...»

И в этом не было вины Ральфа, хотя в глазах людей он, возможно, выглядел неудачником. Когда Эми познакомилась с ним, он был моряком, и она часто думала, что, бросив службу, он совершил ошибку. Но Ральф беспокоился, что оставляет ее одну так надолго, а она, конечно, ужасно по нему скучала. Особых дарований у него не обнаружилось, он был неглуп, но так и не нашел дела, для которого был предназначен. От родителей Гонории достался дом и небольшая годовая рента, а Ральф открыл букинистический магазин. Все кончилось провалом, как и другие его безумные затеи: выращивание олив на греческом острове Эвбея, изготовление рамок для картин в Девайзесе. В конце концов, истратив все деньги, они купили в Андалусии крошечный домик с акром каменистой земли и стали, так сказать, бороться за независимость. Именно тогда у Ральфа обнаружили первые признаки рака, который потом и свел его в могилу.

Хватит! Хватит! Эми выкрикивала это слово, усилием воли отбрасывая воспоминания о любимом муже, маленькой, плохо оснащенной испанской больнице, появлении разгневанной Гонории и ужасном возвращении домой самолетом. Если она хочет вырваться из своей теперешней жалкой жизни, вряд ли ей стоит бесконечно копаться в прошлом.

Она достала со шкафа шляпную коробку, вынула рукопись и перечитала последние три страницы, чтобы привести

себя в нужное настроение. И не то чтобы осталась недовольна. Текст показался ей крепким, и она очень постаралась не допускать даже намека на иронию. Но как это будет выглядеть на придиричивый взгляд издателя крутого читателя?

По крайней мере, на этот раз — «Ползунки» были ее третьей попыткой — она правильно выбрала социальную среду и обстановку. Сначала, когда Сью сказала, что вернейший способ заработать кучу денег — это написать роман в жанре «обнимашки и покупки», Эми неправильно все поняла. К ее героине Дафне, регистратору в стоматологической клинике, робко подкатывал студент-богослов, и все это — пока та выбирала цветную капусту в «Теско». Теперь, стильно переименованная, героиня проворачивала сомнительные делишки в Гонконге.

Эми грызла в задумчивости колпачок шариковой ручки. Сначала ей казалось, что написать роман проще простого. Всякие забавные фразы так и лезли в голову. Меткие, сочные, бьющие не в бровь, а в глаз. Но когда пришло время нарушить пугающую белизну чистого листа, оказалось, что всем этим фразам нет места в реальности, которую она изображала.

А интимные сцены? Пишутся с большим удовольствием. Но так тяжело вплетаются в сюжет. Эми уже подумывала, а стоит ли вообще этим заморачиваться. Почему бы читателю не купить все в кусках — как конструктор в красивой коробке — и не составить собственный сюжет? Покупают же люди, в конце концов, сборную мебель. А издатели должны бы приветствовать все оригинальное.

Эми посмотрела на часы и ахнула. Прошло полчаса после ухода Гонории. Вместо того чтобы потратить это время на работу во имя светлого будущего, она убила его на печальные воспоминания. И Эми схватила ручку.

«„Черт, черт, и еще раз черт!“ — выругалась Араминта, дрожащими губами прочитав факс от Бёргойна».

Гонория катила на велосипеде вдоль Зеленого луга, безлюдного и обманчиво великолепного. Губы ее свирепо поджались при виде одинокой банки из-под кока-колы, кротко

лежавшей на боку под доской объявлений. Имея вес в приходском совете, Гонория боролась, и весьма успешно, с попыткой установить здесь — или хотя бы где-то поблизости — урны для мусора, которая непременно нарушила бы совершенство зеленого овала. Но перед лицом столь отвратительного варварства ей, пожалуй, стоило пересмотреть свою позицию.

Несомненно, возмущивший ее предмет выбросил кто-то из жителей муниципальных домов. Хотя эти огромные шлакоблочные строения возвели — и совершенно правильно, по мнению Гонории, — на самом краю деревни, живущие в них парии, похоже, думали, что могут расхаживать повсюду, вопя, оглушая окрестности музыкой и с ревом разъезжая на своих отвратительных мотоциклах. Летом они прямо-таки наводняли луг, собираясь посмотреть на игру в крикет, устраивая пикники, прикатывая детские коляски и расстилая на траве свои отвратительные клетчатые пледы. Ее бы воля, дюжину — или сколько их там — муниципальных домов обнесли бы колючей проволокой и вдоль нее ходили бы патрули.

Гонория свернула к дому Лоры, подъехала, затормозила, спустив одну полную ногу, слезла. Прислонив к гаражу свой старый велосипед с прямым рулем, полукружием желтой клеенки на заднем колесе и обтрепанной плетеной корзиной на багажнике, она постучала в дверь.

Гонория явилась по приглашению. По ее заказу Лора подыскивала каменную скульптуру, способную украсить аллею клематисов в саду Гришэм-хауса. Вчера вечером Лора позвонила и сказала, что прибыл каталог будущей распродажи в Вустере, там есть фотографии очаровательных фигурок. Может быть, Гонория зайдет взглянуть? Лора предложила встретиться на следующий день за вечерним чаем, она закроет магазин пораньше.

Гонория снова постучала, но ответа не дождалась. Тогда она подняла наружную задвижку, очень старую, в форме сердца, из отполированной временем латуни, с ручкой в виде львиной лапы, и дверь открылась. Было тихо, если не считать тиканья Лориных антикварных напольных часов черного дерева. Гонория заглянула поочередно в две крошечные комнатки, выходящие в прихожую, потом дви-

нулась, беззвучно ступая по толстому вишневому ковру, в сторону кухни. Подойдя поближе, она услышала странные звуки — дрожащее, прерывистое дыханье, как будто кого-то немилосердно трясли за плечи.

Гонория помедлила — не из опаски, а из врожденного отвращения к ситуациям, выходящим за рамки принятых условностей. Не дай бог случайно сунуть нос в чужие дела — они вызывали у нее брезгливость, граничащую с омерзением.

Она решила лишь слегка приоткрыть дверь и посмотреть, что за ней происходит. К сожалению, дверь закрипела. Громко. Лора сидела за кухонным столом, уронив голову на руки, и плакала. Услышав скрип, она подняла голову. Две женщины в упор смотрели друг на друга. Гонория поняла, что назад пути нет.

Лора, вероятно, плакала уже несколько часов. Гонория так привыкла к ее умело накрашенному лицу, к холодной отстраненности, с которой Лора взирала на окружающий мир, что сейчас едва узнала ее. Глаза еле видны, щеки опухли и покраснели, влажные волосы торчат как попало. И все еще в халате!

Напрягшись от едва сдерживаемого осуждения, Гонория мучительно искала, что сказать. Отделаться одним «простите» и удалиться было решительно невозможно. Это выглядело бы ужасно бездушным, и хотя Гонория действительно была ужасно бездушна, она вовсе не желала выставлять данное обстоятельство напоказ. «Честное слово, — злобно подумала она, — если люди позволяют себе так распускаться, им следовало бы, по крайней мере, делать это за закрытыми дверями».

— Дорогая, — сказала она, и это «дорогая» выговорилось таким неловким, как будто у нее был плохой зубной протез, — что случилось?

После долгой паузы Лора ответила, как почти всегда отвечают в подобных обстоятельствах:

— Ничего.

Испытывая могучее искушение сказать: «Ну, тогда все в порядке» — и уйти, Гонория спустилась в кухню по двум

отполированным каменным ступенькам и подкатила к себе по голубым плиткам стул на колесиках.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Надо же так вляпаться! Лора буквально проклинала себя за то, что, расписавшись в получении бандероли, сразу не заперла дверь на цифровой американский замок. Подумать только, из всех мерзких, поганых, противных людей нарваться именно на эту! Лора лишь на секунду подняла голову, но ей хватило. Никто бы не обманулся, поймав этот взгляд Гонории, полный одновременно нездорового любопытства и страстного желания оказаться где-нибудь в другом месте.

— Нет, правда, ничего, — она взяла салфетку из почти пустой коробки, промокнула щеки, высморкалась и бросила намокший шарик в корзину для бумаг. — Со мной такое иногда случается.

— О!..

— С нами со всеми случается.

Гонория посмотрела на нее недоверчиво. Ей с детства внушали, что леди никогда не дает воли чувствам. Гонория никогда не плакала. Не плакала, даже когда умер ее обожаемый Рейф и боль раздирала на части. Ни тогда, ни на похоронах, ни потом.

— Может быть, сделать вам чаю?

Чаю? Боже мой, да она решила тут навеки поселиться! Заварить чай, дать ему настояться, налить его в чашки. Молоко, сахар. Чертово печенье. Уйди, проклятая старуха! Просто уйди!

— Очень мило с вашей стороны.

Гонория наполнила чайник, достала молоко в пачке из холодильника. Симпатичный заварной чайничек из рокингемского фарфора с голубыми цветочками, слава богу, стоял на виду. Еще не хватало рыться в шкафах... Как будто она что-то вынюхивает. Придется обойтись без молочника. В позолоченной серебряной чайнице лежали пакетики «эрл грея».

— У вас есть пе...

— Нет! — Лора больше не плакала, но лицо ее по-прежнему было искажено, на сей раз зреющей в ней злостью. — Я его сразу съедаю, поэтому не держу в доме.

— Понятно. — Гонория даже не удивилась еще одному свидетельству несдержанной расхлябанности. — Какой очаровательный чайник! — добавила она, выжидая, когда чай заварится. — У вас чудесный вкус. Полагаю, это профессиональное.

Лора еще раз высморкалась, на сей раз очень звучно, а скомканную салфетку сунула в карман халата. Вообще-то она обрадовалась чаю, потому что со вчерашнего ужина ничего не ела.

Ох уж эта английская панацея от всех бед, свежесваренный чай... Какой бы кошмар вас ни настиг: несчастный случай, надвигающееся банкротство, весть о тяжелой утрате, — ошеломленной жертве неизменно предлагают чашку чаю. И в конце концов, разве я не понесла тяжелую утрату? Я навсегда лишилась надежды, которую, казалось, у меня никто не отнимет.

Она отхлебнула ароматного горячего напитка. Какая ложь! Каким прямым и честным он казался. Одиноким вдовец, лелеющий свое горе в достойном и благочестивом молчании. Отказывающийся от утешения. Какая ложь вся его жизнь... Лора со стуком поставила чашку на блюдце.

Гонория, прямая как палка, крепко вцепившись в сумочку, сейчас выставила ее перед собой на манер щита. Желая с одной стороны как-то оправдать свое присутствие, а с другой — поскорее ретироваться, она напомнила Лоре о каталоге, добавив:

— Конечно, это сейчас неважно. Я могу зайти потом.

— О нет, пожалуйста, не надо! — с нелестной для Гонории поспешностью воскликнула Лора, вскакивая с места. — Я мигом.

Она побежала наверх, во вторую спальню, которая служила ей также кабинетом, и принялась рыться в почте. Каталога не было. Ни там, ни на письменном столе, ни в папке «Сады. Дизайн». Она уже собиралась посмотреть в портфельчике, но тут вспомнила, что накануне вечером, сидя в гостиной, перелистывала каталог. Там она и нашла его, на журнальном столике.

— Я отметила галочкой те, которые, мне кажется, могли бы вам подойти. — Лора вернулась в кухню. — Не то-

ропитесь возвращать. Распродажа еще только через шесть недель. — Она помолчала. — Гонория...

Гонория дернулась и резко повернула голову, как будто вдруг очнулась ото сна. Она встала и взяла каталог, даже не взглянув на Лору. Ее губы, и всегда-то осуждающе сведенные, сейчас были сжаты крепче обычного. Щеки горели, глаза пылали холодным пуританским огнем.

Лора испытала облегчение, когда за ней закрылась дверь. И главное, ведь все равно она ничего не купит. Это уже не первая попытка. Разве такой что-нибудь продашь? Прижимистая Гонория и пяти фунтов пожалеет, а тут целых пятьсот.

Лора опять села за стол и задумалась, продолжить ли плакать или заварить еще чаю, и тут взгляд ее упал на фотографию. Всего за полчаса до прихода Гонории Лора вынула ее из серебряной рамки и бросила в корзину для бумаг. Следом туда же полетело изрядное количество пропитанных слезами бумажных носовых платков, однако они не полностью скрыли фото. Лицо Джеральда можно было различить, он улыбался сквозь всю эту сырость.

Видела ли Гонория фотографию? Наверно, видела, домыслила недостающие звенья, поставила точки над «и» в этой истории любви и отчаяния. Лора разозлилась на себя за беспечность, за то, что оставила фото в корзине. И на Джеральда. За то, что... За то, что он Джеральд. Побуждаемая гневом и отвращением, она отправила содержимое корзины в чугунную топку кухонной плиты и сразу горько об этом пожалела.

Рекс уже собирался сесть за работу. Он старательно сжевал отруби и чернослив, три раза прогулялся вокруг квартала с собакой, сделал пятьдесят глубоких вдохов перед открытым окном и вымыл руки. Последнее имело особую важность.

Как-то раз Рекс видел по телевизору интервью со знаменитым сценаристом, так тот выражал глубокое почтение собственным рукам, именуя их орудиями своего труда. Писательские руки были застрахованы на баснословную

сумму, как ноги легендарного чечеточника Фреда Астера. Сценарист тщательно мыл их каждое утро, пользуясь самым лучшим, трижды перетертым в хлопья и вновь спрессованным мылом с добавлением меда и молока. Затем тщательно споласкивал в родниковой воде и промакивал девственно белым, мягким, пушистым полотенцем, извлеченным из герметичной упаковки. Только после этого знаменитый литератор мог помыслить о том, чтобы подойти к своему компьютеру, который тоже был в своем роде произведением искусства.

Рекса настолько впечатлила вера этого человека в ритуал, что он тут же его перенял. Он прекрасно знал, насколько важен режим. Пособия «Как стать успешным писателем», которые у него имелись практически все, твердили об этом. Рекс начинал работать ровно в одиннадцать утра, ни минутой раньше, ни минутой позже. У него на письменном столе стоял транзисторный приемник, чтобы узнавать точное время. С первым «бип» он брал ручку и начинал писать, с последним — заканчивал фразу. Эта процедура была так важна для него, что, если что-то его сбивало, он потом не мог настроиться. Нет, конечно, он все равно выдавал свою тысячу слов (писатели умеют писать), но целый день потом чувствовал себя не в своей тарелке.

И вот без пяти одиннадцать кто-то постучался во входную дверь его коттеджа «Бородино». Рекс, который только-только вошел к себе в кабинет, одновременно и рассердился, и встревожился. Успеет ли он за пять, нет — тут он глянул на карманные часы — уже за четыре минуты разобратся с пришедшим?

Ясно одно: он не может уйти в кабинет и работать как ни в чем не бывало, если кто-то стоит у двери. Для начала его увидят в окно. Задернуть шторы он не может, не обнаружив себя. Какая досада, черт возьми!

И он открыл дверь. Это был Джеральд.

— Рекс, извините. — Он вошел. — Я знаю, вы начинаете работать в это...

— Да. Вообще-то в одиннадцать.

— Мне очень нужно поговорить с вами.

— Это о фуршете?

Когда Рекса отговорили готовить его знаменитый карри, он обещал принести коробочку глазированного миндаля.

— Нет. Но это действительно касается сегодняшнего вечера. В каком-то смысле.

К ужасу Рекса, Джеральд прошел в его святая святых. Взял и прошел, смахнул написанное вчера с обитого гобеленом кресла, просто бросил бумаги на пол и уселся! Рекс стоял и ждал, не желая садиться за письменный стол не для работы, а для досужей болтовни. И так, он ждал, но Джеральд, вначале проявив такую бесцеремонную решительность, теперь никак не мог собраться с силами и перейти к делу.

Он рассеянно смотрел в окно на сад, смотрел и ничего не видел. Ни кормушки для птиц, поля битвы сварливых скворцов и воробьев. Ни Монкальма, крупной овчарки, которая лениво копалась среди торчащих из земли и прихваченных морозом капустных кочерыжек.

Рекс украдкой наблюдал за ним. Джеральд выглядел ужасно. Казалось, он сегодня не только не брился, но и не умывался. Глаза воспаленные, с засохшими корочками в углах после сна. Он неосознанно сжимал и разжимал кулаки. Рекс, неподдельно встревоженный, отодвинул в сторону все мысли о «Ночи Гиены» и сказал:

— Джеральд, старина, выглядите не очень. Может, кофе?

Тот покачал головой. Рекс придвинул стул и теперь чувствовал дыхание Джеральда, кислое и отдающее перегаром. Некоторое время они молчали. Наконец Джеральд заговорил:

— Это, наверно, прозвучит жалко. — Долгая пауза. — Я не знаю, как сказать... — Он впервые посмотрел прямо в глаза Рексу. Взгляд отчаянный и одновременно пристыженный. — Как бы я это ни сформулировал, все равно прозвучит очень странно.

— Уверен, что нет, — ободрил Рекс, уже примирившийся с потерей целого дня, ведь с ним происходило самое приятное, что может приключиться с человеком: он сторал от любопытства и знал, что скоро оно будет удовлетворено.

Джеральд между тем все оттягивал и оттягивал вожделенный миг. Времени выбирать не осталось. Конечно, Рекс — болтун, каких мало, но лучше, если это будет именно он. Ни к кому другому Джеральд не пошел бы со своим делом. Но как найти нужные слова? Если он изложит только самую суть затруднения, будет выглядеть трусом и дураком. С запозданием заметив, что все время сжимает и разжимает кулаки, он положил беспокойные руки на колени, едва ли не вцепившись пальцами в серую фланель, лишь бы не шевелить ими.

— Вы сказали, это касается сегодняшнего вечера. — Рекс решил помочь ему.

— Да... — Джеральд выглядел как не умеющий плавать человек, который уже дошел до края трамплина. — Дело в том, что я очень давно знаком с Максом Дженнингсом. И между нами случилась... размолвка. Мы нехорошо с ним расстались.

— Такое случается. — Рекс тактично притушил свое любопытство и попытался выступить в роли утешителя. Это не составило особого труда, потому что человек он был добрый.

— Честное слово, — продолжал Джеральд, — я ни минуты не верил, что он согласится приехать, увидев мою подпись под приглашением. — Сколько раз он переписывал чертово письмо, и все зря! — Не знаю, почему он согласился. Всегда был... непредсказуем. Дело в том, Рекс, — в его голосе чувствовалось огромное напряжение, — что я не хочу оставаться с ним наедине.

— Ни слова больше! — воскликнул Рекс. — Все понятно. Но чем я могу помочь?

— Это очень просто. Не уходите, пока он не уйдет.

— Ну разумеется! То есть, разумеется, не уйду! — Он помолчал немного, потом произнес нерешительно: — Полагаю, вы не захотите рассказать мне...

— Нет, мне не хотелось бы...

— Понятно, понятно.

— Вы не возражаете, Рекс?

— Ну что вы, дружище!

— Возможно, будет немного неудобно. Высиживать, я имею в виду. После того как остальные разойдутся.

— Вы думаете, все будет именно так?

— Да.

Конечно, вообще не следовало писать письмо. Это была большая ошибка. Сказал бы членам кружка, что пригласил Дженнинга и получил отказ. Никто бы не удивился. А если бы они захотели увидеть ответ — они ведь такие дотошные, — соврал бы, что секретарша мистера Дженнинга позвонила по телефону и передала его отказ. Просто когда Брайан объявил, что напишет Дженнингу сам, Джеральд ударился в панику... Кажется, Рекс что-то сказал?

— Что, простите?

— Я говорю, а что, если он придет раньше, когда еще никого не будет?

— Не должен. Я пригласил его к восьми, а всех остальных — к семи тридцати. А если и придет...

Даже Рексу Джеральд не мог признаться, что тогда вынужден будет прятаться. Забиться, как зверь в нору, когда охотничьи псы уже скребутся у входа.

— Лучше бы вы мне раньше об этом сказали, Джеральд. Мы могли бы изменить место встречи. Провести ее где-нибудь еще.

— Тогда он сделал бы все, чтобы уйти одновременно со мной. Нет, так я хоть могу контролировать ситуацию.

— Может быть, хотите переночевать у меня?..

— Ради бога! — не выдержал Джеральд, закатил глаза и снова яростно сжал кулаки. — Я уже сказал, чего хочу! Можно просто выполнить мою просьбу?

— Конечно. Простите.

— Это вы меня простите. — Джеральд как-то скованно поднялся и направился к двери. Зная, что напрасно сотрясает воздух, он тем не менее добавил: — Полагаю, излишне говорить, что...

— О, разумеется, строго между нами. Мне прийти в семь, Джеральд? На всякий случай...

— Да, это хорошая идея. — Джеральд сумел слабо улыбнуться. — Спасибо вам.

Рекс проводил гостя по дорожке до ворот. Монкальм с большим энтузиазмом им сопутствовал. Джеральд шел тяжело, сгорбившись, и не приободрился, даже когда Рекс сказал, что, зайдя к нему, гость избежал визита Гонории, которая сейчас флегматично крутит педали, удаляясь от «Приюта ржанки».

Вернувшись в дом, Рекс сварил кофе и сел за письменный стол. Конечно, не для того, чтобы работать. Похождения киллера по кличке Гиена, стакнувшегося с подпольной ячейкой противников Хусейна и покупающего у них ценные сведения, бледнели перед жизненной драмой. Оказывается, у Джеральда, этого образца скучнейшей, немного напыщенной респектабельности, имеется прошлое. Кто бы мог подумать!

Рексу ужасно хотелось добежать до ближайшего телефона-автомата — это заняло бы не больше минуты, — но он безжалостно подавил искушение. Надо держать слово и молчать, по крайней мере пока вечер не миновал. Он посмотрел на часы: оставалось семь с половиной часов. Как же вытерпеть?

Сью убрала со стола после ужина, составила посуду в мойку и принялась накрывать к завтраку. Коричневые мисочки для каши, подставки для яиц в виде зайчиков, разнокалиберные столовые приборы, неряшливого вида пластмассовая банка с домашними мюсли, наклейку для которой она нарисовала сама.

Наверху бухала музыка. Судя по всему, Аманда делала домашнее задание. Про себя Сью всегда называла дочь Амандой. Самой дать имя ребенку — это было одно из последних одолжений, которые ей сделал Брайан. Но даже тогда ему не хватило великодушия, чтобы скрыть недовольство выбором жены. Претенциозным. Снобистским. Вычурным. Девочку с рождения звали Мэнди, а затем, когда Брайан перенял повадки своих старшекласников, — и вовсе Мэнд.

Сью включила газовую колонку над раковиной, пламя ярко вспыхнуло. Она нарочно шумела, моя посуду, потому что Брайан как раз пошел в уборную, тесно соседствующую

щую с кухней. Он никогда не заботился о том, чтобы вести себя в туалете потише, считая такую скромность ханжеством, присущим среднему классу. Что же касается Сью, если в доме были гости, она предварительно бросала смятую туалетную бумагу в унитаз, чтобы заглушить плеск. Что же касается «бултых» и тому подобного, ну тут уж...

Сейчас после вызывающе непристойного звука она услышала скрип открываемой фрамуги. Брайан вышел из уборной, застегивая молнию. Подойдя к столу, он стал копаться в школьных бумагах, складывать их, выравнивать, передвигать, переворачивать, снова выравнивать. Сью с полотенцем в руках оскалила зубы в беззвучной гримасе и, отвернувшись, уставилась в окно.

Брайан стоял к ней спиной. От пояса до лодыжек он был совершенно ровный. Будто струя воды из-под крана. Сью вспомнила, как подружка по педагогическому колледжу говорила: «Никогда не доверяй мужчине, у которого нет задницы».

Она прошла через гостиную с доской для резки хлеба в руках, открыла дверь и высыпала крошки в сад. На коттедже Джеральда горел галогеновый прожектор. Сью подошла к забору и увидела перед домом соседа низкий серебристый «мерседес». Она бросилась обратно в кухню, где Брайан, устроившись в единственном кресле, корпел над кроссвордом из «Гардиан».

— Брайан! Брайан!

— Ну а теперь чего ты всполошилась? — Он спросил это так, будто она всю свою жизнь колотилась в горячем возбуждении.

— Макс Дженнингс здесь.

— Вряд ли. Еще только десять минут восьмого.

— Тогда кто это?

— Что «кто это»?

— Машина.

— Твоя речь будет похуже твоей стряпни. А это о чем-то говорит... — У Брайана был очень неприятный смех. Этакий раздражающий смешок, даже скорее уханье. Его-то он и издал. Уф-уф.

— Не веришь — пойди сам посмотри.

— Я уже понял, что покоя мне не будет, пока не схожу.

Тяжко вздыхая, он демонстративно долго вчитывался в подсказку составителя, как будто дошел до самого интересного места в боевике, потом натянул шапку и перчатки, которые грелись у плиты, и вышел в холодную темень.

Он мрачно взирал на машину, на эту немецкую красотку, сияющую, как жидкая сталь, облитую холодным белым блеском. Брайан остался очень ею недоволен. Нет, не на такой машине должен бы ездить склонный к суициду сын жестоких, измученных бедностью родителей. Брайан поспешил обратно, в тепло.

— Вероятно, он чувствует себя очень неуверенно, если нуждается в такой машине.

Брайан вновь взялся за свой кроссворд, со вздохом разгладив газету, хотя с тех пор, как он вышел, никто ее не трогал.

— Итак, «сегодня день погож и ясен, и так красив тенистый...».

— «Ясень».

— Я тебе не мешаю?

— Что?

— Это я решаю кроссворд.

— Почему мы не можем решать вместе?

— Потому что ты мне слова не даешь сказать.

Сью вытерла последнюю тарелку и аккуратно повесила полотенце на металлическую ручку колонки.

— Нам все равно скоро выходить, — сказала она.

— Еще пятнадцать минут. Сейчас все всё бросят и помчатся на свист местной знаменитости.

Круглое лицо Сью вспыхнуло. У нее над головой громче грянул тяжелый рок. Вниз по лестнице скатилась Аманда, топоча пудовыми туфлями на платформе, и прогалопировала на кухню, к холодильнику.

— Привет, Мэнд. — Брайан немедленно отложил «Гардиан» и впери́л в спину дочери настороженный взгляд. — Как жизнь?

— Жуть.

Мэнди налила себе яблочного сока и зависла над контейнером с оладьями.

— Испортишь аппетит перед ужином, — безнадежно заметила Сью, кивнув на поднос, накрытый салфеткой.

Мэнди ненавидела есть с родителями. Пару лет назад она заявила, что есть будет в своей комнате. Брайан и Сью, в кои-то веки объединившись, не разрешили. Тогда Мэнди вообще отказалась от семейных трапез. А каково им было знать, что она либо покупает, либо выпрашивает, а может, и ворует еду в других местах? Они продержались три дня, потом, испугавшись анорексии, сдались. Сейчас она с аппетитом наворачивала третью оладью.

— Зря ты...

— Оставь ребенка в покое.

Мэнди ушла в соседнюю комнату и включила телевизор. Сью, думая о предстоящем вечере, протирала сушилку для посуды. Интересно, каким окажется Макс Дженнингс? Она никогда не видела настоящего писателя. Правда, однажды она была в магазине «Диллонс», когда Мейв Бинчи надписывала экземпляры своего последнего бестселлера. Сью не купила книгу, не могла себе этого позволить и потому просто смотрела на тех, кто ее приобрел и встал в очередь. Она видела, как Мейв улыбалась, спрашивала у покупателя имя и писала несколько слов на экземпляре «Медного пляжа».

Сью так хотелось подойти к ней. Спросить, как она начинала. Что это за чувство, когда написанное тобою в первый раз напечатали? Откуда она берет идеи для своих книг? Сью стояла так долго, что на нее начали коситься. Она разволновалась и на нервной почве все-таки купила экземпляр в бумажной обложке, потратив деньги, отложенные на новые кисти.

Встав на сосновую табуретку, она открыла дверцу буфета над нишей, и достала оттуда глазированный морковный торт.

— Какой переполох! И все ради кого? — Брайан был бы в ужасе, узнай он, что сошелся во мнении с Гонорией. — Ради какого-то писаки, которого толком никто не знает.

— Люди покупают его книги.

— Они покупают его книги, потому что не читали их. А прочитали бы, совсем другой был бы разговор.

- Ну... Да.
- Ну а теперь... куда ты направляешься?
- Накраситься.
- Мы должны быть там через пять минут, о'кей?
- Но ты же сам сказал...
- Через пять минут. Пять!

Брайан проводил кислым взглядом свою длинную, костлявую и сутулую жену. Через пять минут она не спустилась. Ровно в семь тридцать, минута в минуту, он натянул шапку, перчатки и вышел, громко хлопнув дверью.

Открыв дверь Максу Дженнингсу, Рекс тут же убедился, что Джеральду не о чем волноваться. Таким теплым, располагающим к себе, дружелюбным показался ему гость. Встреченный незнакомцем, Дженнингс был заметно удивлен и не скрывал этого, но приятная улыбка все равно ни на секунду не покинула его лица. Рекс представился.

— Джеральд наверху. — Он принял верблюжье пальто гостя, легкое и мягкое, как шелк. — Но я, как говорится, уполномочен предложить вам выпивку.

— Как мило... — Макс бросил взгляд на подставку для графинов со спиртным, где одной емкости не хватало, и на тяжелый поднос с разномастными бутылками. — Если можно, тоник.

— Лед? Лимон?

Предположив и даже надеясь, что Макс, возможно, алкоголик, завязавший со спиртным, Рекс вооружился щипцами для льда. Гость уже чувствовал себя как дома. Он прохаживался по комнате, прикасался к вещам, рассматривал картины, наклонял голову то так, то этак, чтобы удобнее было читать заголовки на корешках книг.

Рекс заметил, что свадебная фотография Джеральда исчезла, и испытал легкий трепет любопытства. Разыскивая и нарезая лимон, он нашел этому объяснение. Размолвка в прошлом, о которой упомянул Джеральд, очевидно, связана с Грейс. Оба были в нее влюблены, она же, послушавшись голоса сердца, вышла за Джеральда. Увы, случайно встретив Макса, она поняла, что ошиблась.

Но в то время жизнь ее уже трагически угасала. Было слишком поздно.

Поднося гостю напиток, Рекс демонстрировал сочувствие и понимание, но карт не раскрывал. Макс уютно устроился в кресле и разглядывал длинный, низенький журнальный столик, уставленный яствами.

— Надеюсь, я не должен все это съесть? — улыбнулся он.

— Боже мой, нет! — рассмеялся Рекс. — Все будут с минуты на минуту.

А ведь в письме Максусу говорилось, только теперь вспомнил он, что встреча начнется не раньше восьми. Сколько всего надо держать в голове, когда играешь роль! Он слегка пожалел бедолагу Гиену, оставшегося сегодня без внимания своего создателя, и это навело его на мысль, что следовало бы извлечь пользу из ситуации и задать Максусу несколько вопросов. Должны же у конфиденанта и помощника быть какие-то льготы? Почему бы и не воспользоваться ими...

— Я пишу рассказы про шпионов, — сообщил он, усевшись на диван, — и мне интересно ваше мнение: сколько времени стоит тратить на описание оружия и боевой техники? Меня очень интересуют бронированные машины. Особенно «хамбер хорнет». Примерно десять страниц посвящены у меня описанию разных его функций. Думаете, это слишком много?

— Думаю, да, — кивнул Макс. — Думаю, вашим читателям захочется вернуться к сюжету гораздо раньше, чем они дочитают эти десять страниц.

— Э-э, видите ли, — Рекс растерялся и оробел, — как раз с этим у меня проблемы, с сюжетом. С сюжетом, персонажами, диалогом и описаниями реального мира. С остальным у меня все в порядке.

Макс сделал глоток, словно обдумывая услышанное, потом сказал:

— А вы никогда не думали попробовать себя в жанре нон-фикшн, Рекс? Возможно, справочник составить, раз уж у вас так много специальных знаний.

Но тут в дверь позвонили. Это была Лора. Не успела она снять пальто, как следом пришли Гонория и Эми.

Лора сама себе отчасти удивлялась, когда вновь очутилась в «Приюте ржанки». После ухода Гонории она раз сто меняла решение насчет сегодняшней встречи. От твердого убеждения, что больше не может видеть Джеральда, до убеждения, что не может его не видеть. От нерушимой уверенности, что точно понимает природу своих чувств к нему (ненависть, ненависть!), до уверенности, что понятия об этом не имеет и не поймет этого, пока снова его не увидит. Сообразив, что его в комнате нет, она испытала огромное облегчение. Ей чуть не стало дурно, и она едва удержалась на ногах. Это ощущение нахлынуло опять, когда дверь отворилась вновь и вошел... всего лишь Брайан. Почти сразу за ним прибежала Сью, вся красная и запыхавшаяся от стараний догнать супруга.

Брайан коротко кивнул ей на гостевое кресло. Сью робко улыбнулась и поздоровалась с Дженнингсом за руку, стараясь скрыть удивление. Макс оказался совсем не таким, как она ожидала. Она представляла его себе крупным, грубоватым мужчиной в неряшливом, разношенном твиде, возможно с трубкой в зубах. На Максе Дженнингсе действительно были твидовые брюки, но плотные, хорошо скроенные, цвета побывавшего в воде дерева, а курил он тонкие и длинные коричневые сигары. Его рубашка из грубого льна имела тот бледный оттенок зеленого, который изысканно называют eau de Nil*. Возраст не поддавался точному определению: зачесанные со лба густые волны волос были совершенно седыми, но на чистом, слегка загорелом лице не проступали морщины. И еще Сью никогда не видела таких глаз. Сияющая лазурь. Синева марокканского неба. Синий цвет Матисса. Гость был худощав и невысок.

Брайан сел поближе к столу с едой, закинул одну ногу в мешковатой брючине на другую и презрительно огляделся. Что за убогая компания! Разоделись в пух и прах, как для приезда королевской особы. Эми вся в оборочках, Рекс напялил пыльный похоронный костюм в мелкую полоску, Гонория откопала более-менее приличную юбку из дорогой шерсти, но к ней надела пестрый кардиган. Лора превзошла

* Цвет нильской воды (*франц.*).

себя, явившись в узком черном платье и китайском парчовом жакете. Что до Сью, тут уж...

Радужной расцветки длинный кафтан поверх лимонного мохерового джемпера в катышках. Не до конца заплетенная коса (ага, запаниковала, когда хлопнула дверь!) и слишком яркий макияж. Брайан, встретившись глазами с женой, закатил их, обозначив свое изумление, и покачал головой. Затем, довольный, что всем и каждому очевиден его сарказм, взял сэндвич и стал есть.

— А вам не кажется, — возгласила Гонория так громко, как будто он все еще был у себя на кухне в соседнем доме, — что вежливость требует подождать, пока все соберутся? Или, в самом крайнем случае, пока предложат.

— Станешь ждать, покамест предложат, — ответил Брайан, полагая, что говорит на грубом йоркширском диалекте, и очень стараясь, — ни с чем останешься. — Козырнув таким образом своей независимостью и вызвав желаемую реакцию, он записал остатки сэндвича в рот и спросил: — А где Джеральд?

Ответ не заставил себя ждать. На лестнице послышались торопливые шаги, и через секунду в комнату вошел хозяин дома. Он сразу направился в тот угол, где сидел Макс Дженнингс, протянул ему руку и чересчур многословно стал извиняться за то, что не сам открыл гостю дверь. Затем он представился. Дважды.

Рекс был сильно разочарован. Он столько времени убил, сочиняя сцену встречи Джеральда и Макса. Писал и переписывал, воображая самые разные повороты, от вполне сдержанных до откровенно смешных и даже фантастических. Но ему и в голову не пришло, что Джеральд просто сделает вид, будто никогда раньше не встречался с Дженнингсом.

Макс поднялся, пожал протянутую руку и любезно принял извинения. Похоже, пьеса кончится, даже не начавшись. Разочарование Рекса стало еще глубже, когда он подумал, что, возможно, Макс и не помнит даже былой размолвки, которая приводит Джеральда в такое смятение. Как это уничительно! Но и утешительно тоже... В каком-то смысле.

Рекс кивнул Джеральду, указывая на свободное место рядом с собой на диване, и тот сел. От него пахло бренди. Рекс понял, почему одного графина на подставке не хватает.

Теперь все были в сборе, и трепет предвкушения очень быстро сменился довольно неестественной, неловкой тишиной. Собравшиеся, за исключением Лоры и Джеральда, смотрели на Макса Дженнингса с едва сдерживаемым любопытством. Они в нетерпении ждали, чтобы он проявил инициативу. Гость нерешительно улыбался.

«Может быть, он, — подумала Сью, — ждет какого-то официального представления?» Вообще-то, это было бы правильно, но, похоже, никто не собирался его представлять, так что в конце концов он заговорил сам. Голос у него был низкий и мелодичный, и в речи проступал акцент, происхождение которого она не смогла определить.

— Если я скажу, что у меня нет опыта подобных встреч, уверяю вас, это будет чистой правдой. Я просто никогда раньше не занимался такими вещами. Боюсь, я не подготовился. Давайте для начала просто выясним, чего бы вам хотелось. И чем я могу быть полезен, если вообще могу.

На минуту снова воцарилось молчание. Собравшиеся неуверенно переглядывались. Привыкнув за долгие годы, что их приглашения вообще не принимают, они сейчас не верили, что правильно всё расслышали и поняли. Что, сойдясь в обычном месте, они на сей раз встретились вживую с настоящим, профессиональным писателем, только что предложившим им свою помощь. Новизна ситуации выбила их из колеи.

Потом Брайан убрал ногу с другой ноги, подался вперед. И с необыкновенной важностью прокашлялся...

— Я сейчас работаю, — заявила Гонория, — над историей моей семьи, а значит, и над историей Англии. Кровь семьи Лиддиардов, не испорченная внебрачными примесями...

Брайан, взбешенный тем, что его обошли на финише, опять откинулся назад, но сделал это резко и хищно — чтобы все присутствующие поняли: во второй раз он не позволит себя оттереть. Лелея свою злость, он не слушал тягучую

декламацию Гонории. Имей он силу воли жить в соответствии со своими принципами, давно бы уже ткнул два пальца прямо в ее костистый римский рубильник. В том, что до сих пор не решился на это, он винил своих вялых родителей с их отвратительным холопским восторгом перед сливками общества.

У Брайана остались болезненные детские воспоминания о том, как его заставляли снимать шапку, когда по главной улице деревни проезжал рысью кто-нибудь из местной земельной аристократии. Сверстники жестоко высмеивали его старомодное раболепство. Страдая от насмешек, он пожаловался родителям и услышал в ответ, что такие маленькие знаки вежливости цементируют общество. Всегда будет разница между человеком в седле и пешим человеком, объяснял ему отец. Таков естественный порядок вещей.

Поток печальных воспоминаний унес Брайана далеко. Когда же, очнувшись, он возвратился в настоящее, то услышал:

— В любом сражении, даже в небольшой стычке, Лиддиарды всегда оставались во всеоружии. — Тут Гонория неосторожно сделала паузу, чтобы перевести дух и услышать восхищенную оценку своего труда.

Макс незамедлительно этим воспользовался:

— Очень достойное начинание. А теперь, — он обвел глазами собравшихся, — посмотрим, что скажут другие. Э-э... Эми, не правда ли?

— О!.. — Эми, взволнованная тем, что ей неожиданно дали слово, порылась в карманах и достала сложенный в несколько раз листок. Нужды разворачивать его не было, Эми помнила свой первый вопрос наизусть. Хорошо понимая, насколько эфемерны ее представления о медийных персонах Нью-Йорка, парижских моделях на подиуме, итальянских графинях в поисках любовных приключений, она начала: — Мистер Дженнингс...

— Называйте меня Макс, пожалуйста.

— Макс, считается, что писать надо о том, что хорошо знаешь. Но не слишком ли это ограничивает?

— Я думаю, не стоит воспринимать все так буквально. Порой наше воображение наделяет достоверностью самые дикие фантазии.

— Вы имеете в виду научную фантастику?

— Именно.

— А еще я иногда пишу сцену и думаю, что можно было бы сделать это по-другому и так было бы лучше. И часто сомневаюсь, не бросить ли все и не начать ли с начала или продолжать.

— Боюсь, это обычное дело. Писателей всю жизнь преследуют забракované когда-то варианты.

«Как он тактичен», — подумала Лора, окинув быстрым взглядом его профиль, его умное и заинтересованное лицо, прежде чем снова сосредоточить внимание на Джеральде.

А вот с Джеральдом что-то было не так. Явно не так. Он сидел на самом краешке дивана, напряженный, как тетива туго натянутого лука. Лицо его сохраняло полную бесстрастность, но по вздувшимся на шее жилам Лора понимала, каких огромных усилий стоит эта бесстрастность. И еще она видела, что, хотя лицо Джеральда, как и физиономии всех собравшихся, обращено к Макс, смотрит хозяин дома не на гостя. Взгляд его устремлен в точку на стене, за плечом Макса. Одна из туфель Джеральда, каштановых, с дырочками на носке и рыжеватого цвета шнурками, нетерпеливо постукивала по ковру.

Ничего не изменилось, поняла Лора по знакомому волнению в желудке, она по-прежнему любит его. Да, он неверный и ненадежный, но она все та же его раба. Попала к нему в рабстве, как только увидела, там и пребывает. Придется ей просто смириться с существованием той блондинки, как баронессе из «Кузины Бетты» Бальзака, которая у себя наверху умирала от жажды любви, пока внизу любимый задирает юбку служанке. Немного отвлекшись, Лора заметила, что Макс бросил на нее быстрый внимательный взгляд. И догадалась, что за этот краткий миг он все узнал о ее чувствах. Обозлившись и не скрывая неприязни, она уставилась на него в упор.

Эми задала последний вопрос: какими самыми важными качествами должен обладать писатель?

— Подвижным умом. Ничто не должно ускользнуть от вашего внимания. И выносливостью. Писателю многое приходится выдерживать.

— Но вы-то добились успеха сразу же, — грубо педантируя личное местоимение, заметил Брайан.

— Мне повезло. Но даже если тебе сопутствует удача, ты рискуешь в любой момент быть отброшенным к исходной точке. Каждую новую книгу начинаешь с нуля. И конечно, успех часто вызывает враждебную реакцию. Критики объявляют охоту на тебя. Вокруг моих исторических романов было довольно много шумихи.

— Я хотела спросить... — Сью сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, но голос ее все равно слегка дрожал, — вы никогда не писали для детей?

— Боюсь, что нет.

— А я... рисую. Ну, в смысле, я рисую картинки.

«Картинки»? Боже, как интересно. Брайан встретился глазами с гостем, и, надеясь на его понимание, соорудил печально-досадливую гримасу. И что с ними делать, с картинками?

— Я предлагал ей начать с коротких рассказов или стихов, — сказал он, — но она отказалась.

— И правильно сделала. Их совершенно невозможно продать. — Макс ободряюще улыбнулся Сью: — А что за картинки?

— Дракон по имени Гектор.

— А он ест людей?

— Только худых. Он на диете.

— Замечательно! — Макс от души рассмеялся, и оказалось, что смех у него очень приятный. Признание Сью вылилось в ее маленький триумф.

Нет, дети-то, конечно, чуть не падали от смеха, когда она рассказывала им о приключениях Гектора. Но что может понимать «сопливая малышня»? Так сказал Брайан, когда она впервые поделилась с ним своим успехом.

Она взглянула на мужа: он постукивал указательным пальцем по подбородку и едва заметно шевелил тонкими губами — верный знак того, что готовится противоречить,

оттачивает язвительную реплику. Он уже наклонился вперед и открыл рот, но опять вступила Гонория:

— Не знаю, кто как, а я проголодалась. Уверена, мистер Дженнингс тоже.

Поднялась волна извинений. Эми передала гостю тарелку и салфетку. Джеральд очнулся, пробормотал: «Кофе, кофе» — и метнулся в кухню, Рекс последовал за ним.

Гонория, быстро соорудив на тарелке башню из разнообразных лакомств, вернулась на свое место, по пути громко заметив Брайану:

— У вас рот открыт.

Брайан был в ярости оттого, что его опять лишили *moment d'estime**. К тому же он ясно услышал слово «плебей», прилетевшее из-за плеча Гонории, и едва не заскрежетал зубами.

Общество разделилось. Лора пошла помочь с кофе и застала Джеральда и Рекса за оживленным разговором. Она явно им помешала. Когда Лора приоткрыла дверь в кухню, Джеральд так красноречиво нахмурился, что она тут же ретировалась.

Эми и Сью подсели поближе к Максусу, который аккуратно лакомился рулетом с начинкой из сливочного сыра, чтобы задать ему вопросы, которые не решились бы произнести публично.

Лора посмотрела, что осталось от угощения: ничего, что ей захотелось бы съесть. К тому же ее немного подташнивало, и она знала, что тошнота не отпустит, пока она не отойдет подальше от «Приюта ржанки». Она отрезала тонкий ломтик морковного торта Сью и быстро отвернулась от *Praslines de Montargis***, принесенных Рексом. Они напомнили ей отполированный мозг крошечных млекопитающих, она даже представить себе не могла, как положит что-то такое в рот.

Брайан, не побежденный, ждущий своего часа, пристроив на оба колена по полной тарелке, слушал вопросы к мэтру. Ох, как они были предсказуемы! У Макса есть опре-

* Момент успеха (*франц.*).

** Пралине из Монтаржи (*франц.*).

деленные часы для работы? (С девяти до пяти.) Часто ли он переделывает написанное? (Постоянно.) Всё начинается с сюжета или с персонажей? (Одно от другого неотделимо. Персонажи и есть сюжет.) Много ли он проводит изысканий, прежде чем сесть писать? (Как можно меньше. Предпочитает догадываться. Часто ошибается.)

В этот момент появились Джеральд и Рекс с двумя кофейниками френч-пресс и молочниками. Принесенное разместили на буфете, уже уставленном чашками и блюдами. Гонория воскликнула: «Наконец-то!», как будто эти двое были парочкой нерасторопных официантов.

Эми отошла от Макса Дженнингса, чтобы налить ему чашку кофе, и Брайан дождался наконец своего звездного часа. Скользнув на ее место, он начал рассказывать о своих сеансах драмы трижды в неделю:

— Скорее строить, а не писать пьесу — вот наш пароль. Только для избранных.

— Какое именно слово?

— Простите?

— Какое именно слово является паролем: «строить», «писать» или «пьеса»?

— О... «строить».

— Ясно.

— Мы работаем свободно, на вдохновении. Выкрикиваем, импровизируем, используем свободные ассоциации. Мы ходим по лезвию ножа. На репетиции ко мне бегут, ног под собой не чуя, поверьте. А если нет, то вон, вон, вон!

— Сильно.

— Не знаю, слышали ли вы когда-нибудь о Майке Ли?

— Конечно.

— Что вы думаете про «Обнаженных»?

— Высокомерно и неряшливо.

Брайан отшатнулся, как будто его внезапно ткнули в грудь. Казалось, он лишился дара речи, сидел и потрясенно молчал.

— Если не сказать хуже.

— Прошу вас, подходите, угощайтесь! — воскликнул Рекс в другом конце комнаты.

И все стали подходить. Эми взяла кое-что для Гонории, которая как раз задавала гостю свой последний вопрос.

— Как вы думаете, — она подалась вперед, твердо упершись в пол широко расставленными тяжелыми ногами в бурых шерстяных чулках ручной вязки, — в какое издательство мне лучше обратиться, когда мой труд будет закончен? Я не хочу, чтобы его опубликовал абы кто.

— Боюсь, тут я плохой советчик, мисс Лиддиард. Сфера моих знакомств — это издатели беллетристики.

— Вот как? — Гонория сначала оторопела, потом разозлилась. — А я-то думала, что диапазон ваших познаний более широк. По крайней мере, не столь ограничен.

Она впилась глазами в последний кусочек рулета со сливочным сыром на тарелке Макса, как бы давая ему понять, что все остальное он сожрал, не имея на это никакого права.

— И я так думал, — быстро присоединился Брайан. Чертовы знаменитости. Достали. Самодовольные, раздувшиеся от сознания собственной важности болтуны. Кем они себя возомнили? Брайан опустошил вторую тарелку, засунул в рот сразу два миндальных печенья и резко встал. — Сью! Пошли.

— Но я еще только...

— Очень хорошо. Оставайся, если хочешь. А я не собираюсь...

— Хорошо, идем, — смирилась она, зная, чем ей аукнется непослушание. Не стоит оно того. Она покорно поставила на стол чашку с почти нетронутым кофе.

Джеральд принес снизу из гардеробной шаль Сью и клетчатую куртку Брайана. Потом спустился за вещами остальных гостей, поскольку все вдруг почувствовали, что пора расходиться, и собрание кружка неожиданно закончилось.

Весь вечер Джеральд оставался выбитым из колеи по неизвестной Лоре причине, и сейчас она поняла, что, если не вмешаться, их гость, который тоже поднялся, явно собираясь откланяться, так и уйдет, не услышав даже обыкновенного «спасибо». Поэтому она произнесла коротенькую заключительную речь, в которой сказала, как интересна и полезна для

них была сегодняшняя встреча, после чего Рекс, Сью и Эми наградили гостя громкими аплодисментами.

Стоило Джеральду открыть дверь на улицу, как в дом ворвался порыв ледяного ветра. Эми и Гонория, кутаясь, поспешили уйти, сразу после них ушли Брайан и Сью. Джеральд стоял в дверях, положив руку на дверной косяк, и вид у него был такой, словно ему не терпелось выпроводить их всех и захлопнуть дверь. Лора задержалась и пристально посмотрела ему в лицо. Она совершенно не знала этого человека и сейчас поняла с пугающей ясностью, что никогда и не узнает. Это было невыносимо. Она вдруг схватила его за руку. Рука была безжизненной, как кусок дерева.

— Джеральд, что с вами? Что случилось?

— Ничего. — Он резко вырвал у нее руку. Его губы вытянулись в ниточку. Он прищурился, не то на свет фонаря, не то от злости.

— С вами что-то не так...

— Не говорите ерунды.

— Вы чего-то боитесь.

— Послушайте, Лора... Что это сегодня с вами?

Она поняла, что сейчас у нее перед носом просто захлопнут дверь, и, не раздумывая ни секунды (позднее Лоре казалось, что у нее просто не было иного выбора), поцеловала его.

Окинув ее изумленным взглядом, Джеральд быстро отступил назад и с силой захлопнул дверь. Все еще дрожа с головы до ног, он вернулся в гостиную.

Макс бросил свое красивое пальто из верблюжьей шерсти и кашемира на спинку стула, а сам сидел на диване. Рекс убирал кофейные чашки. Ни слова не говоря, Джеральд прошел на кухню.

Через несколько секунд на кухне появился Рекс с подносом, уставленным чашками и блюдами. Они посмотрели друг на друга, потом Рекс, сияя глазами, почти беззвучно, утрированно четко проговорил: «Не волнуйтесь!» И тут же преувеличенно громко проскандировал:

— Помочь вам помыть посуду, Джеральд?

— В десять придет миссис Банди.

Джеральд сказал это обычным тоном, но Рекс уже не мог оставить прежнюю, конспиративную манеру. Тревожно кивнув в сторону комнаты, он жестами изобразил мытье посуды, потом ткнул пальцем в часы, висевшие на стене.

Джеральд понял смысл этой пантомимы: если они потянут время, моя посуду, Макс устанет ждать и уйдет. Ему ужасно хотелось, чтобы ушли оба. Еще было бы хорошо, если бы Рекс не демонстрировал так явно свое удовольствие от приключения. И главное, хотелось, чтобы прошла боль.

— А можно, я буду настолько надоедлив, что попрошу еще кофе?

Джеральд и Рекс прямо-таки подскочили. Гость встал с дивана и вошел в кухню, а они ни сном, ни духом.

— Просто чтобы не заснуть за рулем, когда поеду домой.

— Конечно. — Джеральд изобразил на лице улыбку. С радостью отметив про себя слова «поеду домой», он вытряхнул гущу из кофейника поменьше. Френч-пресс выскользнул у него из рук и скатился в раковину.

— Можно растворимый.

— У меня нет растворимого. Вам тоже, Рекс?

— Обязательно.

Так они и стояли все трое, словно скульптуры на выставке, пока заваривался кофе, потом взяли свои чашки и перешли в гостиную. Будто позабыв о том, что собирался вот-вот уходить, Дженнингс завел долгий разговор о деньгах. О фунтах и долларах, о том, как колебания курса влияют на его доход. Распространение демократии привело к тому, что его теперь печатают в странах Восточного блока, а оттуда бывает трудно, а то и вовсе невозможно выцарапать авторские отчисления. Резво скачущая лира. Немецкие марки, в которых лучше всего получать гонорары. Нервная йена.

Рекс слушал и думал, сколько еще времени сможет бодрствовать. Обычно в десять он уже крепко спит, потому что утром, где-то в пять тридцать, его будит Монкальм — собаке положена прогулка. Впервые за день Рекс подумал, что Джеральд совсем не щадит его. И тут он заметил, что Макс задал Джеральду какой-то вопрос и ждет ответа с выражением вежливого интереса на лице.

— В основном, рассказы. — Джеральд старательно изучал занавески за плечом собеседника. — Предупреждая ваш второй вопрос, скажу, что их не печатают. — Он втянул ноздри, побелевшие от напряжения.

Чувствуя, что Джеральд не справляется с ситуацией, Рекс принялся живописать свои попытки напечатать цикл рассказов о приключениях первой модели пулемета Гатлинга. От долгих разговоров у него заболели челюсти, кожа на лице саднила от усталости. Между ними грозила разверзнуться еще одна глубокая пауза, когда Макс внезапно встал и объявил, что ему действительно пора.

— Прекрасный был вечер.

— Очень любезно с вашей стороны было откликнуться. — Джеральд притворился, что не заметил протянутой ему руки.

В прихожей Рекс попытался встретиться с Джеральдом глазами, надеясь получить какой-то тайный знак. Взгляд со смыслом. Выразительно приподнятые брови. Благодарный кивок за хорошо выполненную работу. Но ему не повезло. Джеральд даже не пошел провожать их до дверей. Он остался в дальнем углу прихожей. Сначала постукивал по барометру, потом внимательно изучал его показания, словом, вел себя так, как будто гости уже ушли и он один в доме. Не пожелал даже доброй ночи, не говоря уже о «спасибо».

Рекс открыл входную дверь и шагнул за порог. Макс последовал было за ним, но тут же спохватился: «Мои перчатки!», вернулся в дом и закрыл дверь изнутри. Щелкнул замок. Менее чем через секунду то, чего Рекс клялся не допустить, произошло.

Через полчаса Рекс был уже у себя в спальне. Не потому, что готовился ко сну — пережитое потрясение сон окончательно отогнало, — а потому, что из этого окна хорошо просматривался передний фасад «Приют ржанки» и палисадник перед ним. Серебристый «мерседес» был на прежнем месте. Поднялся сильный ветер, пошел дождь.

После того как Дженнингс таким хитрым манером выставил Рекса на улицу, тот несколько минут топтался у две-

рей, не зная, что делать. Он даже приложил ухо к дверной щели, сам не зная, что надеется расслышать. Шум драки? То, как Джеральд пытается силой вытолкать Макса вон? Он не услышал ничего. Даже отголосков разговора.

Через некоторое время Рекс почувствовал себя глупо. Вероятно, он должен был уйти сразу. Возможно, они ждали, когда он уйдет, чтобы начать разговор. А что, если кто-нибудь пройдет мимо и увидит, как он тут топчется на крыльце? Околачивается около дома с неизвестной целью. Да это на статью тянет. От последней мысли Рексу стало совсем неудобно. К тому же ему давно хотелось в уборную, поэтому он быстро зашагал по дорожке прочь и громко хлопнул калиткой, давая этим двоим понять, что ушел.

Теперь же он чувствовал себя виноватым, мучился сомнениями, правильно ли поступил. Он вспомнил, как горячо Джеральд просил не оставлять его с Максом наедине. Каждому ясно, что тут речь идет о жизни и смерти. Чем дальше, тем яснее становилось Рексу, что он слишком легко отказался от борьбы.

Замок щелкнул так... зловеще. Рекс уже не сомневался в том, что это Макс так все подстроил. Сам Джеральд до двери не успел бы дойти, слишком далеко от нее он стоял, да и произошло все чересчур быстро. Уверенность в том, что он совершил ошибку, неуклонно росла и наконец завладела Рексом настолько, что он больше не мог бездействовать.

Он бросился вниз по лестнице. Возвращался к дому Джеральда Рекс гораздо быстрее, чем ушел от него. Одеваться не потребовалось — он так и не снял дома свое короткое двубортное пальто. Правда, Рекс немного замешкался в прихожей перед коллекцией красиво отполированных тростей. Взял он палку с набалдашником в виде серебряной бычьей головы, чувствуя, впрочем, весь несколько абсурдный мелодраматизм своего выбора, надел вельветовую кепку, завязал шарф под самым подбородком и зашагал к дому Джеральда.

Ворота в «Приют ржанки» теперь были приоткрыты. Рекс храбро пошел по въездной дорожке. Он решил посту-

чать в дверь черного хода и спросить, не одолжит ли Джеральд ему молока. Рекс не привык врать и теперь, готовясь воспользоваться этой шитой белыми нитками выдумкой про молоко, принялся приукрашивать свою простую просьбу прихотливыми и совершенно ненужными подробностями. Когда он не может заснуть, помогает только какао. А если варить какао на воде, у него болит желудок. И вот незадача: молочная бутылка прямо-таки выскользнула у него из рук, когда он вынимал ее из холодильника, упала и разбилась. Он увидел, что машина Макса на месте, и понял, что сосед еще не спит.

На кухне света не горел, но дверь в нее была открыта, и Рекс увидел через дверной проем ту часть комнаты, где сидел Макс Дженнингс. Тот что-то говорил и при этом жестикулировал, и жесты были просительные, даже умоляющие, как будто он уговаривал принять подарок. Потом Макс энергично замотал головой, умолк и поменял позу — весь подался вперед, напряженно вслушиваясь в то, что ему говорили. На его лице было написано самое пристальное внимание. Видно было, что душа его — Рекс поискал нужное слово — горячо отзывается на услышанное. Как и полагается душе доброго самаритянина.

Увидеть бы еще Джеральда... Рекс вертел головой, тянул шею, прижимался щекой к стеклу, пытался скосить глаза, но все было тщетно. Наконец, почувствовав острую боль в шее, он выпрямился. В общем и целом ему показалось, что повода для беспокойства нет. Похоже, старина Джеральд зря волновался. Чувал беду, а беды не случилось. С другой стороны, он, Рекс, твердо пообещал ему...

Итак, он стоял и колебался, стучать или не стучать, как вдруг по спине его, между лопаток, поползли мурашки. Через секунду неприятное ощущение усилилось. Рексу казалось, что змея ползет по позвоночнику. Он резко развернулся.

Позади него сгрудились едва различимые деревья, подступившие вплотную к голым теперь цветникам, вместе с плотными, черными зарослями кустарников. Крепко сжав в руке трость и мысленно внушая себе, что дверь кухни всего-то в нескольких футах, Рекс двинулся в сторону живой

изгороди из ивы. Вглядываясь в гущу стволов и переплетения ветвей, он позвал:

— Эй!

Молчание. Ни один листок не шелохнулся. Не шевельнулся ни один ночной зверек.

— Тут есть кто-нибудь?

Он слышал только собственное дыхание. И тем не менее Рекс ощущал, так же определенно, как мерзлую твердь под ногами, что кто-то — или что-то — затаилось рядом. И смотрит на него из темноты.